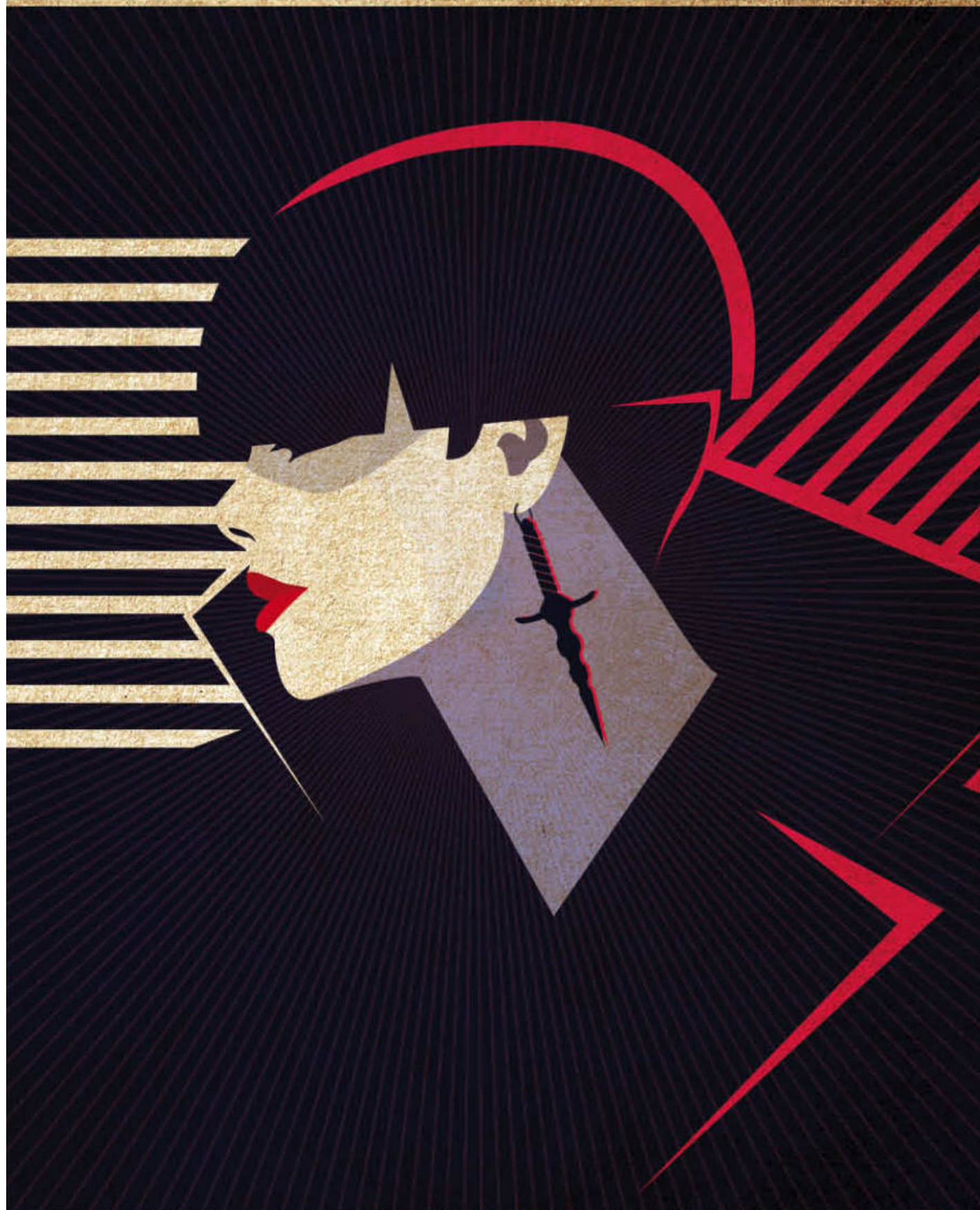

ГАЛИНА РОМАНОВА

ВЕДЬМА ОТМЩЕНИЯ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Ведьма отмщения

«ЭКСМО»

2013

Романова Г. В.

Ведьма отмщения / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2013 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-66417-7

Если бы не эти странные телефонные звонки, то Машина подруга Зойка была бы жива. Начались они почти два месяца назад. Звонили на домашний номер Маше и долго молчали. Причем когда не было дома мужа, Вовки. А потом телефонный террорист позвонил Маше на мобильный с... домашнего телефона. И вот теперь в ее квартире в луже крови лежит лучшая подруга Зойка! Как такое возможно? Зойка просто решила проверить, с кем развлекается Вовка. Маша уже не сомневалась — это муженек вознамерился свести ее с ума телефонными звонками. Но тот уверял: его не было дома! Тогда кто бродил по их комнатам, кто звонил с их домашнего телефона и кто же убил ее подругу?.. Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-66417-7

© Романова Г. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Галина Романова

Ведьма отмщения

Глава 1

Девушка была тоненькой, хрупкой, в кожаном мотоциклетном костюме. Если бы не длинные светлые волосы, выбивающиеся из-под шлема и рассыпавшиеся по спине крупными колечками, смело можно было бы принять ее за мальчика. Высокого стройного мальчика. Волосы все меняли. Сразу угадывалась тонкая талия, длинные ноги в высоких сапогах, грудь, обтянутая кожей со множеством блестящих молний.

Девушка, конечно, это была девушка. И почему-то хотелось думать, что прехорошенькая. И зря она прячет свое лицо под черным стеклом шлема. Не едет же никуда. Просто сидит на своем байке, уперев одну ногу в землю, вторую – в низкую изгородь возле его подъезда.

Женя еще раз посмотрел на неподвижный силуэт сквозь стекло в двери и вышел на улицу. Тут же поежился. Утро было прохладным и влажным, хотя солнце заливало город пронзительным ярким светом. «Разогреет», – решил он и застегнул тонкую ветровку до самого подбора. Он не успеет замерзнуть. Ему всего лишь пройти пешком пару кварталов до магазина. Купить еды и выпивки. Потом он вернется, включит чужой телевизор в чужой съемной квартире, уляжется на чужой диван в чужой гостиной и будет ждать встречи с чужой женой. Встреча та должна состояться в понедельник утром, когда он явится на работу, когда она займет свое начальствующее кресло. До той поры...

До той поры все, что он может, – это есть, пить, лежать, может быть, спать. И ждать, ждать, ждать.

Ничего, он терпеливый. Он подождет, потому что ему есть чего ждать. Он приехал в этот город не покорять его, нет. Не остаться тут навечно. Он приехал сюда, чтобы сделать состояние и вернуться к себе вполне обеспеченным человеком, готовым покорять всех и вся именно там.

Как и посредством чего, он поначалу не знал. Потом, когда судьба столкнула его с Машей, правильнее с Марией Сергеевной Киреевой, Женя сразу понял: вот он, его шанс. Один на тысячу. Может быть, один на миллион!

Женщина была финансовым директором фирмы, куда он устроился менеджером по продажам.

Женщина не была отягощена семейными обязательствами настолько, чтобы не обратить на него внимание. Нет, муж, конечно, имелся, но с ним было все, как у всех. Давно чужие, давно привыкли, давно бы разбежаться, да все некогда, давно некогда. И лень кого-то искать на замену. Кто знает, кого найдешь еще?

Искать ей не пришлось бы, он всегда под рукой. Он очень привлекателен, очень умен, талантлив. Он готов ждать, готов быть верным, покорным. И жертвовать-то особо ему ничем не пришлось бы, женщина была невероятно красива. Кажется, она сама не осознавала, насколько красива.

Маша была высокой, худенькой, но не дохлой. Где положено чему-то быть, у нее было. Длинная шея, красивое бледное лицо, густые светлые волосы до плеч, с которыми у нее была вечная проблема. Она то за уши их задвигала, то сворачивала узлом и прищипливала чем придется, случалось, что и карандашом. Носить красивые прически она не умела, это точно. И если к праздникам в парикмахерской ей ухитрялись что-то соорудить на голове, то через час все рассыпалось. Прядь за прядью, локон за локоном. У нее были потрясающе красивые руки, лодыжки, коленки. Женя просто млел, когда видел, как она сидит в кресле. Столько грации, столько бесподобной грации было в ней, в тесно сведенных коленях...

Ему одно время даже казалось, что он сильно влюблен в нее. Это когда он мечтал о ней ночами, возбуждая себя видениями, и засыпал потом вспотевший и обессиленный. Это когда ждал встреч по утрам в офисе, когда радовался звуку ее голоса, ее смеху.

Это быстро прошло. В смысле, ощущение влюбленности. Оно оказалось обманчивым, потому что он мог с таким же успехом мечтать и о других женщинах. И представляя их голыми, не считал себя при этом извращенцем, обманщиком и изменником. Да Маша его до тела так и не допустила. Дразнила его, держала на расстоянии, временами подтягивала за поводок, как собачку, позволяя поцеловать руку, один раз в щеку. Но и только! Так что...

Так что он был вправе иметь кого-то еще. Ее-то он не имел, черт побери!

– Привет, – проговорил он, поравнявшись с девушкой на байке. – Кого-то ждешь?

Он никогда не смущался с женщинами. Он знал, что очень хорош собой. Знал, что нравится им. Знал, что не нахамят в ответ. И эта не нахамила. Потянулась к шлему, стащила его с головы и кивнула, проговорив очень сексуальным с хрипотцой голосом:

– Привет, привет.

– Кого-то ждешь? – спросил Женя, останавливаясь напротив и без стеснения рассматривая в упор девушку.

Она была даже лучше, чем он подумал вначале, наблюдая за ней сквозь стекло подъездной двери. Смуглое лицо. Удивительные, какие-то азиатские, карие глаза, темные губы. И копна светло-русых кудрявых волос. Она была очень красива. И он ее тут же представил голой, без кожного костюма, прямо на байке: с длинными смуглыми ногами, с изящными ступнями, с ноготками, выкрашенными в черный почему-то цвет. Выше ему виделся плоский живот с крохотным сверкающим камешком в пупке, маленькая упругая грудь с темными сосками – будто вишневый бархат, припорошенный пылью. Женя по опыту знал, что соски у женщин одного цвета с губами. Может, чуть светлее. Узкие плечи, изящная шея, нежные щеки.

Господи, да он возбуждился!

– Кого-то ждешь? – переспросил он, перехватывая пакет так, чтобы загородить от нее низ живота.

– А ты куда-то идешь? – поддразнила она, обнажая в улыбке белоснежные зубы.

На левом верхнем клыке было что-то нарисовано или написало, он не разобрал, но возбуждился от этого еще сильнее.

– Шел, пока тебя не встретил.

Женя сделал шаг к байку, уперся ногой в низкую изгородь, как и она. Облокотился на согнутое колено, приблизился к ней настолько, что стал слышен ее запах. Она пахла нагретой на солнце кожей, прибитой дождем пылью, черной смородиной и еще чем-то, от чего у него все поплыло перед глазами.

– Встретил и что? – Ее рука поднялась до его подбородка, указательный пальчик лег на губы и прошелся влево-вправо, медленно, дразняще.

– И идти уже никуда не хочу, – выдохнул он прямо в ее ладонь и, сложив губы трубочкой, поцеловал кончик пальца.

– А что хочешь? – Она сняла ногу с забора, спрыгнула с байка, принялась укладывать шлем в запирающийся багажник.

– Тебя... – шепнул Женя в ее затылок, мелькающий перед глазами. – Тебя хочу... Сильно! Очень...

Она заперла багажник, поставила байк на охрану, повернулась к нему, подергала затянутыми в кожу плечами и произнесла совершенно буднично:

– Тогда идем, малыш. Осчастливлю!

Все началось уже в подъезде: он хватал, прижимал, она лгнула, тут же отворачивалась, дразнила. Визжали молнии на ее костюме, обнажая ее гладкую кожу. Он успел добраться до

ее маленькой твердой груди, с темными, будто вишневый бархат, припорошенный пылью, сосками. Он успел впитаться в них ртом, когда она его снова оттолкнула и застегнулась.

– Погоди-ии... – хрипло попросила она, глядя на него сумасшедшими глазами, занавешенными длинными ресницами. – Не спеши-ии...

Но он спешил. Спешил и, как идиот, был неловок. Не смог попасть сразу в замочную скважину ключами, уронил их, поднял, снова уронил, потому что ее колени оказались перед глазами. Дверь распахнулась, они вошли, захлопнули ее, и он опять замешкался, пытаясь избавиться от ветровки. Молния постоянно заедала. Он же всегда помнил об этом, а тут забыл и провозился. А она тем временем начала раздеваться сама! С грохотом летели в сторону ее высокие сапоги, с треском расстегивались молнии. У нее ничего не было под этим кожаным костюмом. Ничего, кроме крохотных белых трусиков и беленьких носочков. И она была такая, да, такая, какой он себе ее и представлял! Изящная, гладкая, смуглая, с камешком в пупке. И еще она была очень сильная. Она все время была сверху, прижимала его плечи к дивану, не позволяя ему перевернуться. Она резко двигалась, выгибала спину, тихо стонала, откидывала голову назад, кусая темные губы. Когда он хотел приподняться и поймать ее сочный бархатный рот губами, она толкнула его в грудь, навалилась сверху и зашептала:

– Делай, как я велю... Просто лежи смирно... Делай, как я велю... Слушайся меня, малыш...

– Да, да, да.

Женя задыхался, он чувствовал толчки его крови в жилах, ощущая, как переполняется его сердце. Как тянется каждым нервом его тело к этой удивительной властной девушке. С ним никогда ничего подобного не случалось прежде. Картинка плыла перед глазами. Резкое движение тонкого загорелого силуэта, взметающиеся русые кудряшки, темные твердые, как кнопки, соски, гладкий живот, сумасшедшие сполохи крохотной бусинки.

– Слушайся меня, малыш... – шептала без конца девушка. – Желай меня... Бери меня...

Когда он смог шевельнуться, ему показалось, день закончился. В комнате сделалось темно. Он включил ночник, глянул на часы на стене. Прошло-то всего полтора часа, а будто вечность!

– Где ты? – громко спросил он, услышав, как шум воды в ванной прекратился и хлопнула дверь. – Иди сюда!

Она вошла, мягко ступая в белых носочках по его грязному полу, уборка была в планах на завтрашнее утро. Голая, мокрая. Капли воды стекали по смуглой коже и казались росой.

– Как тебя зовут? – опомнился Женя и тут же подумал, что имя у нее должно быть такое же необыкновенное, экзотическое.

– Влада... – проговорила она, нависая над кроватью. – Меня зовут Влада, Женечка.

– Ты?! – он подскочил так, будто на него плеснули горячим маслом. – Ты знаешь, как меня зовут?!

– Конечно.

С легкой улыбкой она уселась по-турецки в ногах, похлопала ладошкой по одеялу. Он послушно вернулся, не в силах оторвать от нее взгляда. Она везде, везде была бархатной, красивой и очень желанной! Он снова хотел ее, хотел бешеного ритма, путающего мысли, застилающего глаза. Он хотел...

– Но как ты... – Женя положил руку ей на колено, погладил. – Как ты узнала?! Ты что же, меня ждала у подъезда?

– А там был кто-то еще? – она игриво шевельнула плечами, зовуще улыбнулась, позволила его руке скользнуть выше по ноге. – Конечно, я тебя ждала.

– Зачем? Зачем я тебе понадобился?

Он вдруг спохватился, опомнился. Отодвинулся от нее, сел, накинув на себя край простыни. Ему сделалось не по себе.

Эта девушка...

Эта красивая девушка с красивым именем не могла просто взять и влюбиться в него, проезжая мимо по улице. Он, конечно, не дурен собой, но не настолько, чтобы такие вот экзотические красавицы теряли от него голову. Даже если она и увлеклась им походя, то откуда ей стало известно его имя? На спине оно не было написано и не вышито крестиком на груди. Откуда?!

– Я не спрашиваю, как ты обо мне узнала. – Женя скосил на нее взгляд. Она совершенно невозмутимо наблюдала за ним, не пытаясь прикрыть мокрого после душа тела. – Я спрашиваю, зачем я тебе?

– Слушай, малыш... Слушай и запоминай, что я тебе скажу. Повторять не стану!

Она резко сбросила на пол ноги, и он обратил внимание, что носочки ее не запачкались. Грязь к ней, что ли, не липнет? Влада грациозно прошлась по его захлавленной комнате, остановилась у окна, выглянула, откинув штору, на улицу. Потом повернулась, уставилась на него ничего не выражающим взглядом. Совершенно ничего не было в ее темных глазах, совершенно!

И от этого ему снова сделалось не по себе.

– Мы с тобой случайно встретились. Так?

– Будем считать, что случайно, – хмыкнул он и потянулся к одежде, его вдруг стала смущать собственная нагота.

– Тебе было хорошо со мной? Только честно!

– Честно?

Он воровато осмотрел ее всю, от каемки белых носочков до темных напряженных сосков, прошелся взглядом по длинной шее, губам, волосам. Судорожно глотнул, снова почувствовав возбуждение.

– Ты... Ты потрясающая, Влада! Такого со мной еще никогда не было! И я...

– Хочешь, чтобы это не закончилось прямо здесь, прямо сейчас? – Она медленно дошла до него, ее сверкающий бусинкой пупок оказался на уровне его рта.

– В смысле? – В висках у него заломило, серьезно думать и одновременно алчно желать было очень сложно.

– Хочешь продолжить наши отношения? – Она сделала еще шаг, и его рот приложился к ее коже.

– Да, да, хочу! Конечно, Влада!

– Тогда... Тогда ты станешь делать, что я тебе велю. Станешь?

Она снова оседлала его, сбросив на пол так и не пригодившуюся одежду, принялась цеплять его рот, шею губами, пальцами, он просто сходил с ума.

– Да, да, все, что хочешь...

– Кстати, а что ты хочешь? – Она дремала, и ему пришлось ее слегка растолкать.

– Что? – Влада глянула на него, убрав с лица разметавшиеся пряди волос.

– Ты сказала, что я должен сделать для тебя что-то. Я хочу знать, что? – он нервно хохотнул, сдвигаясь на край дивана и намереваясь сделаться серьезным, наконец. – Предупреждаю сразу, банки грабить я не стану!

– О Господи! Какие банки? О чем ты? – пролепетала она, зарываясь лицом в подушку. – Просто ты должен мне помочь в одном деле, и все.

– В каком? В каком деле? – он потолкал ее снова, ее тело в простынях лишь чуть колыхнулось, она даже во сне казалась скрученной пружиной, напряженной и готовой к прыжку.

– Ну, неужели нельзя дать мне отдохнуть! – возмутилась она громким шепотом, приподняла голову и глянула на него зло. – Ты поймел меня, Женечка? Поймел! Причем совершенно бесплатно! Теперь...

– Бесплатно... Поимел... – едва шевеля губами, повторил он слова, показавшиеся ему грязными, смрадными. – И что теперь?

– А теперь, после того как ты поимел меня, мы поимеем твою Машку! – рявкнула она, ее голова снова упала на подушку, и через мгновение Влада уснула.

«Машку? Поиметь?! Господи, что задумала эта экзотическая штучка? Что придумала?»

Нужды спрашивать, кто такая Машка, не было. Женя не был идиотом и сразу понял, о ком речь. И никаких сожалений от измены не чувствовал. Но...

– Но ты ведь сам хотел от нее что-то поиметь, разве я не права?

На следующее утро Влада завтракала омлетом и кофе с маковым рогаликом за его столом, успев снова облачиться в кожаный скафандр.

– Я? – Он неуверенно глотнул кофе, сваренный ею, поморщился, кофе она сварила дрянной. – С чего ты взяла?

– Хватит, Женечка! Еще скажи, что она тебе жутко нравилась! – Влада фыркнула. – Я не слепая! Я долго наблюдала за вами и сразу поняла, что мальчик готовит для себя какую-то платформу. Грабить ты ее, конечно же, не стал бы. Но вот заставить ее совершить должностное преступление, думаю, вполне в твоем духе и в твоих силах. Ты поимел бы денежки с аферы, состряпанной вами сообща. Потом ты сваливаешь, а она идет в лучшем случае за ворота. В худшем – в тюрьму! А ты благополучно возвращаешься в свой городок, который любишь и в который жаждешь вернуться. Укажи мне, где я ошиблась?

Он молчал, потрясенный. Неужели у него на морде все это было написано, когда он провожал Марию? Когда целовал ей руку возле ее машины? Когда покупал ей цветы?

Нет, нет! Он не про должностное преступление, которое Маша должна была совершить! Он так далеко не заходил в своих расчетах. Он про свой алчный интерес к этой даме. Неужели он был так заметен со стороны?

– Я никогда не мечтал засадить ее в тюрьму! – опротестовал он, нервно поводя шеей. – Никогда не собирался подбивать ее на неблагоприятные поступки!

– Ой-ля-ля! – насмешливо и недоверчиво ухмыльнулась Влада.

– Можешь не верить, но это так. – Он спокойно выдержал ее взгляд и уточнил: – Да, не скрою, я мечтал использовать ее. Карьерный рост, протекции всякого рода, не отказался бы и от щедрых подарков с ее стороны, но... Но чтобы заставить ее... Да ее и не заставишь!

– Это точно, – нехотя кивнула Влада и принялась крошить на столе кусок рогалика. – Машка упертая и принципиальная. Ее не сдвинешь. Если...

– Если?

– Если только судьба не повернется к ней задом и не заставит ее совершать ошибки. А? Как тебе?

– Что именно?

Ему вдруг сделалось жалко милую интеллигентную Машу, она всегда так тепло улыбалась ему. Так нежно произносила его имя: Женечка. Как-то на особый лад. И опять же, одно дело, когда у него свой интерес...

И совсем другое эта девушка! Ей-то что надо?!

– Мне? – Ее лицо вдруг окаменело, а глаза загорелись странным болезненным пламенем, от которого ему стало больно в переносице. – Мне очень хочется увидеть ее крах! Ее унижение! Ее боль! Ее одиночество! А если при этом я сделаюсь чуточку богаче, то я не откажусь!..

Глава 2

– Мишаня, Мишаня, отстань!!!

Лидочка шутливо шлепала его по рукам, срывающим с нее кухонный фартук и тоненький халатик. Руки, ведомые глазами, знали отлично: под халатиком ничего нет! Ни единой вещицы, ни единой ниточки. Она вообще никогда дома не надевала на себя ничего, кроме тоненького халатика. Ткань была прозрачной, яркой, и это тоже возбуждало. Как и не сдерживаемая нижним бельем плоть, прекрасно просматривающаяся.

В голове у него сильно стучало, и отчаянно хотелось пить, но он как раз добрался до тела. Как раз сдернул с нее и фартук, и халатик. Отвлекаться не следовало, следовало продолжать, а то непременно какая-нибудь сволочь из ее бывших друзей и знакомых, а то и врагов позвонит и все им изгадит.

– Лидуша... Лидуша... – судорожно шептал Миша, забираясь на женщину. – Какая же ты... Какая же ты...

Она довольно улыбнулась ему в лицо, потом закинула подбородок на его плечо, и безглиявая ухмылка тронула ее полные губы.

Господи, как же ей был противен этот увалень! Как неприятна его белая пористая кожа, крупные ягодицы, наметившийся волосатый живот. Она бы даже за деньги с ним не пошла, а ее положение на точке перед тем, как завязать, было привилегированным, она временами могла даже выбирать. Его бы она точно не выбрала. Даже за деньги! Но вот за обещание жениться...

Лидочка, стараясь отвлечься от его отвратительного пыхтения, сопения и судорожных движений, задумалась.

Готова ли она жертвовать свободой ради статуса замужней женщины? Готова ли день за днем видеть перед собой противную одутловатую рожу с вечно мокрыми губами, которыми он тыкается, куда придется? Готовить ему, стирать, сносить его дурное настроение, терпеть его сумасшедшего папашу? И все ради чего? Ради штампа в паспорте?

Она подумала, подумала и легонько себе кивнула. Готова! Она хочет семью, хочет детей, хочет кормить их с ложечки, менять им памперсы и сюсюкать с ними, агукаться. И пускай даже их отцом будет этот тюлень, заглядывающий в рот папаше и ненавидящий собственную сестрицу. Другого-то, по всей видимости, не будет. С ее репутацией, с ее прошлым надеяться на принца глупо. Так что пускай будет Миша... для начала. А там, как карта ляжет.

– Тебе хорошо было, Лидуша? – шепнул Миша, остановившись. Его мокрые губы впились ей в шею, ее передернуло. – Хорошо?

– Да, да, давай слезай, ты очень тяжелый. – Ее ладошка легонько хлопнула его по задку. – Надо бы спортом заняться, дорогой. А то в свадебный костюм не влезешь.

Он свалился на бок, завел руки за голову, потянулся с хрустом, мечтательно улыбнулся.

– Свадьба... Ты в самом деле хочешь орущую беснующуюся толпу?

– Мне на нее плевать. Я хочу белое платье, туфли, прическу, огромные букеты цветов, подарки, крики «горько». А если при этом будет присутствовать орущая беснующаяся толпа, то, что же, потерплю.

– Угу. – Он кивнул, нахмурился. – Отец сказал, денег не даст.

– А ты что же, не в состоянии заработать?

Лидочка повернулась на бок, привстала на локте, окинула взглядом крупное белое тело. Мишка был жирным, как поросенок. И очень ленивым.

– Я работаю, – слабым голосом возразил он, предвкушая час нотаций и уроков жизни, от которых его воротило, если честно.

Тоже еще Белоснежка! Жизни учит! Если бы не подлюка любовь, вползшая в его кровь и намертво там поселившаяся, никогда не стал бы терпеть.

– Работает он! – фыркнула Лидочка. – Работать можно по-разному. Можно вкалывать, а можно штаны просиживать. Последний вариант, как правило, малооплачиваемый.

– Не скажи... – Мишкины ноздри хищно раздулись. – У Машки вон мужик тоже в офисе сиднем сидит, а деньги гребет лопатой. И Машка сама не на стройке бетон месит и тоже не бедствует.

– Ты опять?! – Лидочка резко села, потянулась к халатику. – Что ты чужие деньги вечно считаешь, Миша?! Ты свои научись делать! А то так и жизнь пройдет за этими подсчетами.

– Слышь, Лид, а ей ведь еще и наследство упало! – вдруг вспомнил он, и лицо его сделалось серым. – Чего же ей так все время везет-то, а?! Жила-была тетка. Старая, поганая мегера. Особо с нами и не зналась. Отца за версту обегала. С матерью будто еще как-то общалась, когда та была жива. А с отцом... Даже не помню ни одной их встречи.

– А с Машкой?

– С ней они виделись, но не особо часто.

– Ты мог и не знать.

– Мог, конечно, – не стал спорить Мишка, тяжело поднялся, потянулся за трусами, с кряхтением надел, натянув резинку на толстый живот. – Но все равно... У нее опять же, у тетки этой, пасынок был. А она возьми, и дом отпиши Машке! Вот с хрена ли?!

– Может, она любила ее? – предположила Лида и украдкой глянула на часы.

Через полтора часа к ней сюда, на ее съемную квартиру, должен был прийти клиент. Она вообще-то официально завязала, на точке не светилась, и из базы данных ее удалили, одеваться стала приличнее и скромнее. Но для себя, для своих нужд материальных, Лидочка оставила парочку клиентов.

Ну, если быть точной, клиентов было четверо. Все были солидными людьми, не желающими светиться в уличном съеме. Все были женатиками, что тоже очень даже замечательно. И все были при бабках! И платили ей за верность ого-ого сколько! Мишаня столько за месяц не зарабатывал, сколько она за три часа. Каждому из этой четверки почему-то хотелось ее именно не на час, не на два, а на три.

– Что так? Не насытился? – любила спрашивать Лидочка, готовя кофе и бутербродики разомлевшему и уставшему мужику.

– Все в порядке, малышка... Просто...

– Что?

– А поговорить? Дома-то разве получится?

Так что она одновременно выполняла роль и утешительницы, и советчицы, и любовницы, и подруги, и массажиста. У нее же как-никак было медицинское образование. Не высшее, но уколы, массаж, капельницу – это она могла. А особо когда за это щедро платили, она в лепешку разбиться была готова. И массировала, и колола, и щебетала, и ласкала.

Сегодняшняя встреча была очень важной. Клиент собрался разводиться с женой, наметил новый брак, и ей нужно было быть невероятно соблазнительной – он же должен отвлечься от проблем. Обворожительно мудрой – в ее советах он нуждался теперь, как никогда. Ну и, конечно же, привлекательной. А на это уйдет час минимум. Времени в обрез. Мишку надо выпроваживать.

Но он вдруг и сам засобирился. Оделся, душ не принял, урод.

– А че я, грязный, что ли? – удивленно вскинул он белесые брови, когда она сделала ему замечание. – Я же сексом занимался с любимой женщиной, не картошку копал.

Логика потрясающая! Лидочка терпеливо улыбнулась, подставила Мишке щеку для поцелуя, выслушала от него очередную порцию нытья про Машку, ее мужа и сволочного отца, не желающего разменивать квартиру и давать деньги ему на свадьбу.

– Но свадьба будет, малыш! – пообещал он, странно озорно сверкнув в ее сторону глазами. – Я сто пудов что-нибудь придумаю.

– Что? – устало вздохнула Лидочка, мягко подталкивая его в спину. – Папулю придушишь во сне? Или Машку с мужем закажешь?

– А че? – хохотнул Мишка и судорожно дернул кадыком, сглатывая. – Неплохая идея, лапуля! Я ведь единственным наследником остаюсь! Единственным. У Машкиного Вовки никого нет. Никого...

Глава 3

Под мягкий шелест дождя невероятно хорошо дремалось в кресле. В старинном камине с прокопченным дымоходом, погнутой решеткой и растрескавшейся каминной доской, уставленной прежде фотографиями многочисленной теткиной родни, тлели угли. Но встать и шевелить их, чтобы поддать жизни затухающему пламени, было лень. А ведь достаточно было сделать один шаг, взять в руки старую кочергу, упереть ее крюк в подернувшуюся пеплом горку и чуть тронуть. И все! Огонь займется снова, потому что угли не прогорели до конца, потому что жизни в них было еще часа на полтора хорошего ровного пламени.

Не хотелось...

Ничего не хотелось. Ни встать, ни шевелить затухающее пламя, оно все равно через полтора часа потухнет, ни идти под дождь за новой порцией дров. Ничего не хотелось: двигаться, думать, заботиться, поддерживать огонь в доме... в себе.

Она устала. От вечной суетливой обязательности: куда-то бежать, что-то для кого-то делать, о ком-то заботиться, кого-то опекать, за кого-то переживать. Устала!!!

Кто придумал вообще, что она не может жить просто и необременительно?! Кто придумал для нее правила?! Почему ей не подремать в кресле у окна, слушая треск затухающих углей и как тихо что-то шепчет дождь молодой, едва проклюнувшейся зелени? Почему не встать потом, и не двинуть в кухню, кряхтя и охая, не потому что у нее все болит, а потому что это просто нравится? Почему не сварить себе пол-литра кофе и не выпить разом, даже если это и вредит здоровью? Почему не проторчать у телевизора, совершенно не видя, что творится на экране? И не задремать ближе к полуночи с пультом в руке, и не проспать до утра на диване в халате и тапках, с нечищеными зубами...

Нет, она все же решится на переезд. Бросит к чертовой матери город, большую квартиру, мужа в ней, брата с его девками, отца с его хворобой и дикой завистью ко всему живому, шевелящемуся рядом и переедет сюда, в этот старый почерневший от времени дом. И станет тут жить тихо, спокойно, лениво, одиноко и немногословно.

Получится, нет?..

Дом, доставшийся ей в наследство от троюродной тетки полгода назад, построен был когда-то на совесть.

– Ты смотри! Ни единой гнилой доски! – в бешеном завистливом восторге восклицал отец, исследуя стены, потолок, пол, чердак. – Ни жучок его за столько-то лет не взял, ни плесень, ни ржа! А знаешь почему, Матрешка?

Матрешкой он называл ее, когда бесился. По паспорту ее величали Марией. Попросту Машей, Манечкой, Марусей, Манюней или Машуней. По-разному называли. Но вот Матрешкой называл ее только папаша, и то только тогда, когда бывал ею чрезвычайно недоволен. И еще брат.

В тот момент, когда он осматривал ее наследство, накал его неудовольствия просто зашкаливал.

– Почему? – спросила она, хотя и чувствовала, что вопрос с подвохом. Но спросить она была обязана, таковы правила в их семье. Их заводила не она, не ей их менять. – Почему, папа?

– Потому что тетка твоя, упокой, господи, ее поганую душу, была такой ядовитой, мерзкой такой, что...

Лицо отца исказила гримаса отвращения, губы сжались и посинели, густые седые волосы шевелились в такт подергиванию головы. Он минуты три молча всплескивал руками, потом все же досказал:

– Ее яда хватит на многие столетия, чтобы здесь ни одна зараза не завелась! Куда жуку-короеду! Все черви дождевые с участка наверняка уползли, и проволочник, и божьи коровки!!! От этой твари...

Маша промолчала и отвернулась. Уставилась на брата, наблюдающего за отцом с довольной сытой ухмылкой. Он любил такие представления. Он их поощрял. Ему нравилось, когда Матрешку травили. Нравилось с детства. И перерасти это он так и не смог.

Следующим слабым звеном в ее жизни был муж, застывший у камина с растерянным выражением на лице.

– Не представляю вообще, что можно со всем этим бараклом делать?! – воскликнул он в ответ на ее взгляд и нехотя провел указательным пальцем по каминной полке, уставленной выцветшими фотографиями в старых растрескавшихся рамках. – И зачем нам это?!

– Вам, не знаю, – тихо ответила Маша.

Она подошла к камину, оттеснила благоверного на безопасное от семейной фотогалереи расстояние. Достала из сумочки упаковку бумажных носовых платков и принялась вытирать пыль с полки, с рамок, со стекол, сквозь которые на нее тарасили глаза совершенно незнакомые чужие люди.

– Что значит: вам, не знаю?!

Благоверный брезгливо потирал указательный палец о средний, пытаясь стряхнуть пыль десятилетий с драгоценного перста. При этом он переводил взгляд с Маши на ее брата Мишу и на своего негодующего тестя Сергея Ивановича. Он искал в них поддержки. Он знал, что ее дождется. Мишка в предвкушении очередной порции нападок на сестру даже не побрезговал, уселся прямо на пыльный чехол, закрывающий старый диван. Отец распахнул рот, полный великолепных протезов, оплаченных Машей. И встал в бойцовскую позу: руки в боки, одна нога чуть выставлена вперед, подбородок вздернут.

– Ты что же, хочешь сказать, что собираешься самостоятельно распорядиться этим?! – возмущенно повел вокруг себя руками благоверный после того, как удостоверился, что тылы его прочны.

– Хочу сказать, – кивнула Маша, сама не понимая, что на нее нашло.

Известие, что она унаследовала старый теткин дом, привело ее в замешательство. Она не понимала, почему именно ее выбрала троюродная тетка? Они не часто виделись. Когда виделись, а случалось это обычно на какой-нибудь нейтральной территории, ничем сокровенным друг с другом не делились. Вежливо разговаривали, справлялись о здоровье близких. Кстати, у тетки остался пасынок. От которого по счету ее брака, Маша не помнила точно. Пасынок, по словам тетки, не удался. Беспутным он был, несерьезным. Ни жилья у него не было, ни работы серьезной, ни образования.

– Копейки ему не оставлю, – пригрозила как-то тетка, обидевшись на того за какие-то обидные слова по телефону. – Гнутой копейки!!!

Денег у тетки не оказалось, как выяснилось при зачитывании завещания. А вот дом...

– Он же кучу денег стоит!!! Это же раритет!!! Почему это Машке, интересно?! – надрылся у нотариуса пасынок, он явился туда без приглашения. – Она ей восьмая вода на киселе!!!

Маша не спорила. Она была сама удивлена не меньше всех присутствующих. Но в наследство послушно вступила, все-таки волей умершего человека очень сложно пренебречь. Дом навестила почти сразу. Почти сразу в него влюбилась. И повезла спустя какое-то время туда своих мужчин. Через час с небольшим пожалела об этом. Через два пожалела вообще, что связалась с этим домом. Через три готова была отречься от родни, развестись с мужем, а дом передать обществу защиты бродячих животных.

Они ее просто достали!!!

Муж, повысив голос до крика, настаивал на продаже старой рухляди. Отец рекомендовал – а делал он это приказным порядком – сдавать дом на лето дачникам. Брат тихо мерзко радовался перепалке и поддакивал без конца то одному, то второму.

– Дом не продам, сдавать не стану. Все, точка!!!

Она вышла тогда на улицу, без опасения громко хлопнув дверью. Двери в доме запросто могли выдержать нашествие не трех, а тридцати таких же вот орущих и беснующихся, настолько крепки были и надежны.

– Не продам!!! – громко повторила она, стоило мужчинам следом за ней высыпать на крыльцо. – И вам здесь появляться впредь запрещаю!!!

Последнее решение было спонтанным и выплеснулось почти помимо ее воли. Скорее вследствие того, что братец как-то уж слишком по-хозяйски начал похлопывать по перилам крыльца и оценивающе осматривать огромный заросший сад. Маше даже показалось, что в глазах у того с бешеной скоростью мелькают столбцы цифр полученных прибылей.

– Не позволю!!! – погрозила она пальцем Мишке. – Даже и не думай!

– Ты чего, Матрешка?! Совсем стыд потеряла? – опешил отец. – Ты как с братом разговариваешь?

– Все! – она резко вскинула руки вверх, так же резко скрестила их и с силой развела, как боец восточных единоборств перед атакой. – Собирайтесь! Чтобы я вас тут больше не видела! Никого! Никогда!!!

Мужики неуверенно попятились, настолько воинственной была ее поза, настолько гневно сверкали глаза и настолько непривычно было видеть вежливую уравновешенную Машку в таком неистовстве.

– Это я понял! – первым опомнился и зашипел отец.

Он кинулся в дом за своей сумкой, в которой всегда таскал бумажник, удостоверяющие личность документы, квитанции за коммунальные услуги за последние три месяца, фонарик, гаечный ключ, отвертку, моток веревки и три-четыре пакета с ручками. Сумка была небольшой, туго набитой, и с ней он не расставался, даже если шел за пенсией. Маша относилась к его чудачеству спокойно. Человеку далеко за шестьдесят, кто знает, что будет с ней в этом возрасте. Нравится, пускай таскает.

Он выбежал на крыльцо с сумкой, будто за ним черти гнались. Ухватил Михаила за рукав, приказав прогреть машину, зима на дворе была. Морозы трещали лютые. Мишка, лишенный зрелища, нехотя поплелся к машине, оставленной за забором. Отец потрусил за ним. Но у калитки, ремонтировавшейся не раз и кое-как, все же остановился. Конечно, последнее слово должно было остаться за ним, а как же!

– Это я понимаю! – он театральным жестом повел вокруг себя, охватив сразу и дом с надворными постройками, и старые деревья, и заросли кустарника. – Это я понимаю, что с тобой происходит! Надо же, как быстро... Ай-ай-ай...

– Что быстро, па?

Мишка приостановился в легкой надежде на следующий акт. Из открывшегося в предвкушении рта вырывалось облачко пара.

– Как быстро яд от этой старой ведьмы проник в поры Матрешки!!! Как быстро пропиталась ее сущность!!! А что будет, когда она сюда часто приезжать станет, а?! Что будет, спрашиваю?! Вовка! – заорал он на зятя, и тот вздрогнул. – Чего молчишь, тюлень?! Что думаешь с бабой своей делать?! Отравилась же! Неужели не видишь??? Ядом!!! Ядом отравилась! Старая ведьма все тут удобрила! Все!!!

Вовка, не понимающий подобного юмора, оскорбился на тюленя, выкатил впалую грудь и произнес прямо в широко разверзнутый скалящийся Мишкин рот:

– Со своей бабой я как-нибудь разберусь. А вам пора, господа, пора!

Отец с Мишкой укатили. Она с Володей вернулась в дом. Ей вдруг захотелось все тут осмотреть, все перевернуть вверх дном, все прощупать. Не сокровища были ей нужны, их и не имелось. Ей вдруг стало казаться, что в скверном бешенстве ее отца в адрес умершей дальней родственницы кроется какая-то тайна. Что-то было тут не так. И ей очень хотелось это «не так» отыскать в пыли, в старых газетах, фотографиях, полуистлевших документах и письмах, в записках, хранившихся в карманах давно вышедшей из моды одежды.

Вовка, как ни странно, взялся ей помогать. И они два дня перелистывали, перетряхивали, перекладывали старые вещи. И почти все оттащили в мусорные контейнеры.

– Ничего здесь нет, – обиженно выпятил нижнюю губу ее благоверный, сделавшись очень неприятным и непривлекательным. – Ничего ценного.

– А и ладно, – беспечно махнула она тогда на все тайны рукой. – Зато дом очистили. Смотри, как все чистенько...

Она же у каждого мусорного пакета отвоевывала территорию с тряпкой и со шваброй. Дом опустел, но пустота эта дышала свежестью и чистотой – сделала ремонт. Следом она начала заполнять эту пустоту мебелью, шторами, салфетками, скатертями, своими вещами, посудой, книгами. И в результате к сегодняшнему апрельскому вечеру она могла бы здесь совершенно замечательно жить. Если бы...

Если бы не ее отец, вцепившийся в идею изгнания из нее чего-то ужасного, не поддающегося объяснению, сильно изменившего его дочь в худшую сторону.

Если бы не ее брат, вознамерившийся, наконец, жениться и попавший в какую-то скверную историю.

Она не вникала. И от этого казалась отцу еще более отвратительной.

Если бы не ее муж, затевающий за ее спиной что-то темное.

Она это точно чувствовала – затевает. Смотрит на нее странно и со значением. Улыбается совершенно некстати. Ей от его ужимок было плохо. Хотелось бежать из огромной гулкой квартиры прочь, прочь. Она и бегала. Все чаще и чаще. Сюда – в старый теткин дом, не сохранивший для нее ни единой тайны.

Если бы не один очень дерзкий молодой человек, от взгляда которого у нее прыгали по спине, а особенно густо под лопатками ледяные мурашки.

И если бы не странные телефонные звонки, участвовавшие в последний месяц.

И если к первым трем помехам она давно привыкла, привыкла не обращать на них внимания и воспринимать такими, какими они сложились, если четвертую помехой не считала и просто, замерев, ждала, что же будет дальше, то с этими звонками была просто беда!

Началось это...

Как бы не соврать самой себе, почти два месяца назад. Да, точно. Один месяц и три с половиной недели назад. Позвонили на домашний как раз в обеденный перерыв.

Странно, что ее вообще застали дома. Она никогда не обедает вне стен фирмы. Руководство организовало им всем превосходные комплексные обеды, пренебрегать которыми было просто глупо.

Во-первых, она сама была в составе того руководства. Во-вторых, стоило все пустяки пустяковые. В-третьих, это никак не напрягало и не вырывало из рабочего ритма. А тут что-то она дома забыла, документы, что ли, какие-то. Или колготки у нее порвались, а в ящике стола запасных не оказалось. Не суть важно! Она просто сорвалась с рабочего места и поехала домой, предупредив, что скоро будет. И не успела войти, как зазвонил телефон. Она сняла трубку, вежливо сказала: «Алло». А в ответ тишина! Она еще пару раз повторила, снова тишина. Она повесила трубку, решив, что это сбой какой-то на линии. Тут снова звонок. И опять тишина. И так раза четыре или пять. Она не считала, если честно. Но что телефон звонил и в трубку молчали не раз и не два, это точно.

Может, Вовке звонили? Может, какая-нибудь тайная воздыхательница, зная, что Маша на работе, решила с ним потарахтеть по телефону? Так тоже глупость несусветная. Он раньше восьми вечера никогда дома не бывает. С восьми и до восьми квартира была от него свободна.

Кто мог звонить?

Она не знала, села в машину, подергала плечами, укатила на работу и через час забыла о звонках. Они о себе напомнили через два дня. Потом еще через три, через неделю. И пошло, и покатило! Звонили без конца. В разное время суток. Причем звонили тогда, когда Вовки не было дома.

– Не ты развлекаешься? – спросила его Маша, поймав как-то на себе один из его потусторонних мерзких взглядов.

– Я похож на идиота? – поднял Вова на нее удивленные глаза.

Если честно, то она давно считала, что ее муж не только похож, но самым настоящим идиотом и является.

Скажите, вот зачем жить с нелюбимой женщиной, зачем?! Ладно бы зависим от нее был в чем-то, в материальном плане или физиологически, или еще как. Но нет. Вполне обеспечен, самодостаточен и самостоятелен. Физиология в их браке отсутствовала как явление уже почти год. Спали в разных спальнях. Маша даже поначалу заподозрила Вовку кое в чем таком нетрадиционном. Оказалось, с этим у него полный порядок, трахал своих секретарш и бухгалтерш с завидной регулярностью. Были у него и какие-то отдельно взятые, чистые и прекрасные отношения вне фирмы.

Так зачем он с ней?! Из-за жилья? Намекнул бы, тогда она бы в теткин дом переехала. Она там все переделала. Все, кроме камина. Он ей нравился таким вот – прокопченным, растрескавшимся, старым. Может, хоть он какую-то тайну хранит, а? Тайну, не подлежащую уничтожению!

Она бы точно уехала. Стены их громадной квартиры давно на нее давили. Только первой шаг сделать не могла. Не из трусости, из упрямства. Чего это она первой должна начинать разговор? Пусть сам решается, если считает, что пора пришла. Вот и идиотом себя опять же не считает. Пусть сам!

– Ты считаешь, что я способен часами названивать тебе и молчать?! – спросил Вовка.

– Ну да, глупо как-то.

– Вот-вот!

– А никто из твоих не мог? Ну, возможно, кто-то, кто питает уверенность, что у нас с тобой не сложилось... – впервые решилась она намекнуть, что уверена, что он не без греха.

Он даже не дал ей закончить, начав с упоением отстаивать всех своих знакомых женщин. И умные-то они, и деликатные, и никогда в жизни не станут тревожить покой семьи мужчины, с которым у них...

Тут Вова споткнулся на полуслове, страшно покраснел, махнул на нее рукой и проворчал с досадой:

– Да иди ты, Машка!

И ушел сам. Правда, не навсегда, а лишь до конца дня. А она продолжила слушать тишину в телефонной трубке еще две недели. Потом не выдержала, обратилась через знакомого своих знакомых в телефонную компанию, чтобы звонки отследили.

Отследили. Лучше не стало. По их информации, звонили ей все время с телефонных автоматов, расположенных в разных точках города.

– И что это значит? – вытаращилась на нее ее старая, верная подруга, когда она обо всем рассказала. – Что это за телефонный террорист? Знаешь, такие ведь бывают!

– Слышала.

– Только, правда, они не молчат. Они мозг выносят по полной программе. – Зоя, которая при знакомствах с мужчинами всегда представлялась Зизи, недоуменно выкатила на нее

прекрасные карие глаза. – Они изводят так, что люди телефонные номера меняют, а то и вовсе телефон отключают.

– Предлагаешь отключить?

– Попробуй, – порекомендовала подруга.

Со вздохом осмотрела обеденный стол, который Маша накрыла к ее приходу. Говяжьи рулетики с грибами и сыром, огромный пирог с вареными яйцами и зеленым луком. Покосилась на Машу – тоненькую, миленькую. Обратила взгляд на себя – при росте метр семьдесят Зойка весила восемьдесят пять – и захныкала:

– Ну почему?! Почему я такая жирная?! Ты жрешь больше меня!

– Больше, – не стала спорить Маша и погладила по руке подругу. – Я, наверное, просто злая, потому и худая такая. А ты хорошая и добрая, ешь!

Зоя вздохнула, навалила рулетиков в свою тарелку, схватила вилку, нож и принялась уплетать за обе щеки. Щечки были хорошенькими – полными, румяными, с миленькими ямочками при улыбке. Маша улыбнулась.

– Чего скалишься? – огрызнулась с полным ртом подруга. – Я еще и пирога твоего отведаю.

– Отведай, красавица, отведай! Вкусный пирог получился.

– Пироги-то у тебя вкусные, а вот жизнь твоя...

Зоя отодвинула пустые тарелки, стряхнула крошки в руку и отправила точным броском их в раковину.

– А что моя жизнь? – Маша начала убирать со стола. – Жизнь, как жизнь. Сытая, спокойная.

– Не спокойная, девочка моя. Не спокойная, а постная, безлика! Вот говоришь злая ты, да?

– Говорю.

Маша вернулась за стол. Подперла щеку кулаком, приготовилась слушать. Зойка на сытый желудок любила поговорить. И говорила всегда хорошие, мудрые и правильные слова. Слушать ее стоило.

– А ты не злая, Машка. Ты просто...

Глаза подруги маетно заматались, обидных слов не находилось, а обидеть Машку стоило. Чтобы встряхнуть!

– Ты просто никакая, вот! – Палец подруги с ногтем, выкрашенным во все цвета радуги, нацелился ей прямо в переносицу. – Живешь с этим Вовчиком. Он тебе нужен?! Вот скажи, нужен?!

– Не знаю, – честно ответила Маша. – Будто и нет.

– Вот, вот! – та обрадовалась. – Папаша твой... Такой, прости меня, гад! Сколько можно из тебя жилы тянуть, а?!

– Отец же.

– Оп-па! А ты не дочь ему, нет?! Он тебе отец, а ты ему чужая девка, которая нужна, только чтобы денег дать, помочь, вылечить, построить, выслушать, а еще и оскорбления сносить! Братец твой... О, это отдельная статья! Ты в курсе, с кем он сейчас?

– Нет, но... Но что-то очень серьезное, да?

– Серьезнее не бывает, Маша! Он собрался в жены брать проститутку!!! – Зойкины глаза сделались огромными. Дыхание участилось. – Ты представляешь весь ужас последствий?

Она не представляла и просто мотнула головой. Мишка с проституткой? С той, что берет деньги за любовь?

– Именно! – выдохнула подруга. – Он с ней именно так и познакомился, придурок этот! Там наверняка какие-нибудь постоянные клиенты, сутенеры, крыша! О Господи! Это такая пропасть проблем... Ладно, идем дальше... Этот воздыхатель твой тринадцатилетний...

– Ему двадцать два, Зой, – поправила Маша.

– А тебе тридцать!

– И что?

– А то, что эти отношения бесперспективны!!! Они не нужны, понимаешь?! Из них ничего не почерпнешь, ничего, кроме головняка. Мама с папой еще не навещали тебя?

– Нет.

Маша улыбнулась. Родители ее юного воздыхателя, хвала небесам, жили за две тысячи верст от их города. Сплетен нахвататься не могли, приехать и начать воспитывать его и ее не решились бы никогда. Тем более что она его работодательница.

– Еще навестят! – пообещала со зверской физиономией Зоя. – И неприлично это, милая! Ну неприлично отдавать приказы тому, кто ночью командовал тобой в постели!

– Зоя, остановись, – попросила ее Маша. – Мы ведь начали с телефонных звонков, чего ты все в одну кучу валишь? К тому же... К тому же до постели у нас пока еще не дошло.

– Не сомневалась! – фыркнула с осуждением подруга и покосилась на блюдо с пирогом, в которое Маша вцепилась, встав с места. – Не убирать! Я доем!!!

Про телефон они так ничего и не придумали. Менять номер или отключать Маша категорически отказалась. Пришлось бы объясняться с отцом, а тому только дай тему. Начнет орать, что это расплата за все ее грехи. Или за грехи ее полоумной тетки, оставившей полоумной племяннице в наследство старый дом.

– Добра не будет!!! Это еще аукнется!!! Ой, чую, еще аукнется эта ее ядовитая щедрость!!! Что-то будет!!!

Маша очень живенько представляла себе трясущуюся седую голову отца с задранным вверх плохо побритым подбородком. Нет, она уж лучше станет слушать тишину в телефоне, чем его дикие прогнозы.

Она все оставила, как есть.

Телефон звонил, в нем молчали, она клала трубку, и все. Ну, нравится кому-то подобным образом развлекаться, ради бога. В конце концов, ей никто не угрожает, не задает гнусных вопросов, не рассказывает диких историй про ее мужа.

Там просто молчат!

Вчера, когда она собиралась за город, Зоя позвонила и высказала предположение, что таким вот образом ее мог изводить теткин пасынок.

– Да ладно! – Маша даже рассмеялась. – Что он может звонить, поверю. Ему все равно как, лишь бы досадить. Но чтобы он молчал... Нет, Зоя, это не он.

– Да, непохоже. – Зойка тяжело вздохнула, пошуршала конфетным фантиком, она всегда трескала конфеты в перерыве между завтраками, обедами и ужинами. – Ладно, Машунь, ты поезжай, развейся, я-то тебя сопроводить не смогу, буду окучивать спонсоров. Вечером у нас ужин в ресторане. Но ты смотри у меня!

– Что?

– Осторожнее там! В доме этом твоём. Если честно... – Зойкина речь сделалась несвязной, зубы наверняка увязли в шоколаде. – То этот дом мне тоже не понравился, малыш. Тут я с твоим папашей не могу не быть солидарной. Что-то в нем такое... Что-то зловещее... Нет, не так! Какая-то чудится мне издевка в этом щедром подарке.

– Ты прямо отца моего теперь цитируешь! – Маша закатила глаза и швырнула в сумку толстую байковую пижаму в полоску. – Тот считает этот дом шкатулкой с секретами. И ты туда же.

– А что? – Зойка забулькала водой, потом отпила, отдышалась. – Ты хорошо все там осмотрела? Может, там что-то...

– Поверь мне, лучше не осмотришь. Ты же меня знаешь! Ничего. Это дом, просто дом. Мне в нем нравится, он мне нравится, и все, я поехала.

Зойка не уgomонилась и позвонила еще два раза. Ей было интересно все: идет ли у них дождь, что она ела на обед, из чего готовила, продукты с собой привозила или там в магазин ходила. Оказывается, ужин со спонсорами отменили, и она маялась бездельем. Потом мялась, мялась и спросила все же:

– А этот тринадцатилетний не с тобой?

– Нет. Зоя! Ему двадцать два!

В этот момент дождь только-только начинался, камин разгорался, а Маша тащила к окну тяжелое кресло-качалку.

– А чего это он не с тобой? – удивленно охнула подруга. – Я думала, что ты туда только за этим и поехала.

– Нет, я поехала за покоем, – призналась Маша. – Неделя была сложной. Генеральный с замом схлестнулись так, что искрило два дня во всех коридорах. А нам, холопам, сама знаешь...

– Тоже мне, холопка! Ты там одна из приближенных, Машунь.

– Вот моя башка самая и близкая для подзатыльников... Ладно, проехали. Мальчик мой напрашивался, если тебе так уж интересно, я не позволила.

– Почему? – разочарованно протянула Зойка. Потом воскликнула: – А я знаю! Знаю!

– Что знаешь?

– Почему ты его не взяла! Ты спать с ним боишься! – и подруга закатилась смехом. – Ну, ты и дура, Маш! Ну и дура!

– Наверное. – Маша не стала спорить, потому что Зоя была права, как всегда. – Но не могу. Иногда мне тоже кажется, что ему тринадцать. А все ты...

Они наконец наговорились. И под шум дождя Маша принялась дремать. Она то открывала глаза, то закрывала, наблюдая за угасающим пламенем. То думала о чем-нибудь, но гнала все нелепые мысли прочь. Ей было покойно, хорошо, томно. И совсем-совсем не страшно.

Она решила, что кофе все же варить себе не станет. Бунт, оно, конечно, хорошо, но голове потом ее болеть, выпьет лучше мятного чая и пойдет спать наверх. Она там отличную спальню себе организовала, с большой кроватью, с хорошим матрасом, горой подушек. Крыша была прямо над головой, и по ней теперь шелкал дождь, под который ей всегда уютно спалось. Она со вздохом потянулась в кресле, зевнула, встала на ноги и с легким постаныванием пошла в кухню.

Маша не стала заваривать чай, выпила стакан молока, ополоснула чашку, убрала ее в сушку. Прошла по дому, проверяя все запоры. Взяла мобильник в руки и тут он зазвонил. Номер высветился домашний. Звонок был из ее квартиры.

Вовка? Чего это вдруг с домашнего звонит? Потерял мобильник? А почему вообще звонит-то? Он рад был без памяти, когда она собирала вещи. Не нужно будет ближе к вечеру в выходной ничего придумывать, выкручиваться, хотя она и не требовала с него отчета. Давно не требовала. Но он все равно как ребенок радовался. Суетился в прихожей с ее сумкой. Все порывался проводить до машины. Даже тапки скинул, намереваясь обуть ботинки.

– Лишнее, Вова, – остановила его Маша, отбирая сумку. – Сам же знаешь, что лишнее. Чего ты?

– Ну да, да, – вдруг спохватился он и провел ладонями по лицу, будто умывался, а может, таким образом от того, что навеяло, отряхивался. – Пока. Если что, звони.

– С чего это? – она остановилась за дверью, перехватила сумку. Не хотела спрашивать, да спросила: – Ты-то дома или как?

– Или как. – Он сдержанно улыбнулся, глянул снова на нее со странной сумасшедшинкой. И повторил: – Или как!

И вот теперь он названивает ей из дома? Не сложилось?

– Да, дорогой, что случилось? – ответила Маша на звонок вопросом и выглянула в окно.

Нежную дымку апрельской листвы кутали сумерки. Дождь поутих, и о подоконник кухни стучали крупные редкие капли. Маша поежилась от вечерней прохлады и закрыла форточку.

– Чего молчишь, Володя? Почему ты дома? – она еще раз окинула взглядом кухню и пошла наверх. – Ты же собирался куда-то. И что стряслось? Ну?

Он молчал. Молчание было затяжным и совершенно безмолвным. Поначалу раза два вздохнули, а потом тишина. Не было слышно его дыхания, а он всегда жутко сопел в трубку. Не было слышно шорохов, звуков. Вовка не терпел тишину в доме. Всегда телевизор на полную катушку в гостиной, радио в кухне. А тут просто вакуум какой-то. Только потом, уже когда дошла до двери в спальню и открыла ее, Маша запоздало сообразила, что Вовка как-то не так молчит. И он ли это молчит?! Или кто-то другой?!

– Алло! – повысила она голос и, не услышав ответа, еще раз проверила дисплей. Все правильно, номер высветился ее домашний. – Алло, Володя! Ты чего молчишь?

Трубку бросили. Минуту она растерянно осматривалась, будто оказалась в чужой комнате, в чужом доме, потом медленно подошла к кровати и тяжело опустилась на самый край.

Что за чертовщина?! Это что, снова тот самый молчун ее побеспокоил?! Тот, что не дает ей покоя звонками уже почти два месяца? Похоже на то, похоже на то. И если раньше ей звонили все время на домашний, как выяснилось, с разных концов города с телефонных автоматов, то теперь позвонили на мобильный, и позвонили из ее же собственной квартиры! Это о чем говорит?

– О том, черт бы тебя побрал, дорогой, что все это выделяешь ты! – выпалила она в тишину пустого дома.

– А кто еще-то?! – поддакнула Зойка, когда она ей позвонила и выложила историю. – Конечно, он! Вот урод, а! И чего хочет? С ума тебя свести?

– Зря старается, – вздохнула Маша и завалилась спиной на подушки.

– Вот-вот! Твой рассудок крепок, закален и... и непробиваем, дорогая. Уж, извини!

– Принимается. – Маша расслабленно улыбнулась и закрыла глаза. – Мне плевать на этого звоняря, Вовка это или какая-нибудь его девка. Мне, знаешь, на что не плевать?

– На что?

– На то, что он, возможно, пользуясь моим отсутствием, притащил ее в дом, Зоя!

Глаза Маши широко распахнулись, стоило представить, как кто-то кутается в ее большое банное полотенце, перебирает баночки с кремом на туалетной полочке, трогает тарелки, чашки, ложится – голой!!! – на ее простыни.

– Да... Это смрадно, – согласилась подруга и тут же предложила: – Хочешь, я сгоняю к тебе домой, малыш?

– То есть?

– Я тут неподалеку, от безделья ювелирку себе присматриваю. Хочешь, сгоняю и застану голубчиков, а?

По азарту в голосе подруги Маша поняла, что отговаривать ту бесполезно. Она все равно поедет, даже если услышит от нее отказ. Ну, нравилось ей заниматься чужой личной жизнью. Ну, просто медом не корми, дай покопаться и поперебирать чужие сорочки.

– Ладно, – нехотя согласилась Маша. – Сгоняй. Только не вздумай открывать своим ключом! Запрещаю!!!

– Я че, совсем, да? – обиделась Зоя.

Если обиделась, в дверь точно позвонит. Это потом уже, если не откроют, может свой ключ достать. Но поначалу позвонит.

– И потом не открывай, – предупредила все же Маша ее. – Или ключ отберу, так и знай!

– Не отберешь, – поддразнила ее Зоя. – Кто цветы поливать станет, когда ты с Вованом своим куда-нибудь уедешь? Папа? То-то же!

– Ладно, Зоя, наведайся, но ради бога...

Маше не хотелось, чтобы Вовка щеголял перед ее подругой в чем мать родила. А если муж дома и кто-то, не он, забавы ради терроризирует ее звонками, то он наверняка голышом.

– Поняла. Будут новости, позвоню, – проворчала Зоя и отключилась.

Новостей, видимо, не оказалось, раз Зоя не позвонила ни через полчаса, ни через час. Потом Машу убаюкал дождь, он принялся шуршать по крыше мягко, не досадливо, она уснула и проспала сном младенца до самого утра. Ей всегда так спалось в теткинском доме.

Разбудило яркое солнце, пробившее брешь в шторах и ползающее острыми лучами по ее подушкам. Она сощурилась, приоткрыла глаза, поймала голубой кусок неба в окне, улыбнулась и полезла из-под одеяла. Тут же под ноги упал мобильник. Она уснула, сжимая его в руке. Звонков и сообщений от подруги не было. И не от кого больше не было. Из дома тоже. И чего приспичило Вовке забавляться подобным образом? Сказал бы прямо, а то...

Хотя вряд ли это был он, наверняка та самая партнерша, связь с которой он оберегает особо тщательно от чужих глаз. Если верить ему, она умная и порядочная, добрая, милая и невероятно красивая, но вот, по мнению Маши, очень уж нетерпеливая. Ну, хочется этой милой и красивой поскорее заполучить ее мужа насовсем. Вот и придумала себе забаву. А Маше что? Ей просто...

– Просто смешно, – кивнула она себе в зеркале.

Она спустилась вниз, распахнула шторы, окна, двери, впуская внутрь свежий, прохладный воздух, полный запахов влажной земли, мокрой травы и листьев. Сварила себе кофе, вылила в громадную кружку, та оказалась полной. Сделала тосты, намазала яблочным вареньем, села к столу и только-только открыла рот, нацеливаясь на подсушенный до хруста кусок хлеба, как снова звонок на мобильный и снова из ее дома.

– Да твою же... – скрипнула она зубами.

Осторожно положила тост обратно на тарелку, нервно схватила телефон и заорала:

– Да! Чего надо?! Если опять станешь молчать, я...

– Маша! – пауза. – Маша, ты чего орешь?

Это был Вовка. Узнать было сложно, настолько задушенным и чужим казался его голос. Видимо, вчера ему от Зойки здорово досталось. Та могла гневаться, как самка носорога. Затопчет, если не успеешь с дороги сойти!

– А ты чего молчишь? – чуть сбавила Маша обороты и снова взяла в руки тост. – Вчера звонил, молчал. Сейчас...

– Я вчера не звонил, – опротестовал сразу же благоверный, голос чуть набрал силу. – Я... Меня вообще не было в городе.

– О, как!

Она досадливо поморщилась. Вранья не терпела. Особенно от близких. За версту его чувствовала и при каждом удобном случае клеймила обманщиков. За то, что частенько выводила их на чистую воду, видимо, близкие ее и не любили.

Вовка теперь врал. И врал безбожно. Это и по голосу было понятно. И по тому, что вчера из ее дома ей звонили на мобильный, а номер этот в колонке новостей не публиковали. Он, по пальцам можно пересчитать, кому был известен.

– А кто тогда звонил? Кого тогда застала Зоя за неблагоприятным занятием, а?

Маша откусила, захрустела, говорила при этом с ленцой и укоряющей неохотой. Ей, честно, дела не было до его амурных походов. Домой, конечно, не следовало приводить. Но раз так получилось, чего уж. Чего так бояться? Бедный, аж голос потерял.

– Я не знаю, кого у нас застала Зоя. – Вовка снова заговорил так, будто подавился. – Но ее тут явно кто-то застал.

– И что? – она сделала большой глоток кофе и зажмурилась от удовольствия.

Как, в сущности, мало ей для счастья надо. Хорошо подсушенный хлеб с вареньем, крепкий кофе, солнце за окном, тишина в доме. Если бы еще Вовка не врал теперь.

– Но ее тут явно кто-то застал, – повторил Вовка.

– Кого? Володя, ты в порядке? Ты чего вообще мямлишь!

– Я? Да! – То, чем он давился две минуты назад, было им проглочено, голос окреп до раздражения. – Я в порядке, а вот твоя ненормальная подруга...

– И что же в ней ненормального?

Маша за Зойку тут же обиделась. Более рассудительного и серьезного человека она не знала. Ну, любила порыться в чужой личной жизни, а кто нет? Она опять же из благих побуждений.

– Что в ней ненормального, Вова? – Она благополучно доела тост и выпила почти весь кофе, так что терпеть благоверного на голодный желудок ей не пришлось.

– Ненормального в ней то, что она лежит сейчас посреди нашей гостиной абсолютно...

Маша тут же подумала, что пьяная. Удивилась мгновенно, но тут же Зойку простила. Но Вовка– гад закончил совсем не тем словом. Он закончил страшно. Он сказал, что Зойка лежит посреди их гостиной абсолютно мертвая!

– Что-ооооооо? – Сип, вырвавшийся у нее непрерывной гласной, повис под потолком теткиного дома. – Что-ооо ты ска-азаа-л?

– Прекрати заикаться, как дура. Сидишь там, в этом чертовом доме, а твои подругидохнут прямо на моих коврах, черт!!!

Вовка окреп, наконец, до хамства. Чего нельзя было сказать о ней. У нее ни в голове, ни в сердце, ни в душе не укладывалась новость про Зойкину смерть. Она вообще ничего не понимала, хотя умницей была ого-ого какой.

– Володя, – пискнула она, чуть отдышавшись. – Давай все по порядку, а то я... Я сойду с ума!

Он рассказал невероятно чудовищную историю, в которую верить не хотелось. Потому что она была дикой, неправдоподобно дикой. Потому что история эта никак не могла случиться с ее подругой – самой рассудительной, самой серьезной из всех, кого она знала! И тем более случиться в ее доме! Она что же теперь, в криминальные сводки попадет?! Господи! А Зойка... Милая, любимая Зизи, сводящая с ума мужиков одним движением бровей.

Что там наговорил ей ее благоверный? Что он уехал за город шумной компанией. Состав компании озвучить отказался, пробурчав, что ей лучше о своем алиби позаботиться, у него алиби есть, подтвердят. Утром ему позвонили с фирмы, будто бы сработала сигнализация в его кабинете. Он съездил в фирму, в его кабинете оказалось разбитым окно. Причина не уточнялась. И решил попутно заглянуть домой, раз уж он в городе.

– А зачем? – не поняла Маша. – Ты же никогда так не делал?

– А сегодня сделал вот, – проворчал Володя и разозлился. – Тебя же нет! Квартиру надо было проверить. И хорошо, что заехал!

– Да?

– Да! Потому что дверь оказалась незапертой. Я чуть не одурел! – вопил Вовка, кажется, он вышел на балкон, потому что в трубке отчетливо слышался шум улицы. – В квартире баракла, бог знает, на сколько! А дверь не заперта. Первой мыслью было, что это ты... Потом, уже когда вошел и увидел... Зойке, Маш, кто-то проломил голову в нашей гостиной. Всюду кровь. Умерла она сразу или нет, не знаю. Эксперты скажут.

– Ты их вызвал? – слабея с каждой минутой, спросила Маша.

– Кого?

– Экспертов!

– Совсем дура! – обрадовался Вовка. – Каких экспертов, Маша?! Я вызвал полицию! А в каком уж составе она приедет... Кстати, тебе тоже следует вернуться домой.

– Да, наверное, – закивала она.

– Не наверное, а ты должна быть тут! В конце концов, это ведь твоя подруга. Я с ней практически не общался. А вы... Кто вас знает, чего вы не поделили...

На такой вот мерзкой волне благоверный закончил разговор. А Маша тут же принялась лихорадочно собираться. Носилась с вещами, с сумкой. Потом бросила все к чертовой матери. Зачем увозить отсюда вещи, если ей придется сюда вернуться?! Разве она сможет теперь жить дома? Там... Там в гостиной в луже крови лежит ее Зойка! Мертвая!!!

Господи, но как? Почему? Она же просто пошла проверить, с кем забавляется Владимир! Приструнить его или ее. Одного из сладкой парочки. Того, кто вознамерился свести с ума Машу телефонными звонками. И вот так все...

Стоп! Вовка же сказал, что его не было дома! Что куча народа может подтвердить, с кем он был и где. Алиби у него, понимаешь!

Кто тогда бродил по их комнатам, кто звонил с их домашнего телефона?! Кто? Кто осмелился перенести телефонные атаки с телефонных городских будок на ее территорию?!

Она не знала. Но догадывалась, что именно этот человек убил ее подругу...

Глава 4

Следователь, с которым ей пришлось общаться сразу после Зойкиных похорон, с первых его слов показался ей отвратительным.

– А где вы были на момент смерти вашей подруги?

– А что делали?

– А кто может это подтвердить?

– А часто ли ссорились?

– А не замечали ли вы симпатий с ее стороны в адрес вашего мужа?

Все такое мерзкое, гадкое, зловонное. Каждое слово! Каждый взгляд! А ведь не плохой с виду парень. Симпатичный, высокий, накачанный. Она бы посмотрела в его сторону, случись им столкнуться на улице. Но в собственном кабинете он показался ей чудовищем.

– Игорь Алексеевич... – проговорила Маша медленно после того, как он перестал выстреливать в нее противными вопросами. – Понимаете, какое дело, Игорь Алексеевич...

– Нет, не понимаю. – Он облокотился о стол, обхватил большим и указательным пальцами подбородок, прищурился.

Барышня ему не нравилась. Слишком симпатичная, слишком самоуверенная, слишком грамотная, слишком обеспеченная. С такими всегда бывало сложно. Странно еще, что не с адвокатом пришла. Но этот час не за горами, как он понимал.

Конечно, она не убивала свою подругу, хотя и алиби у нее нет. Он был уверен – не убивала. Запястья у барышни узкие, кисть изящная, чтобы нанести удар по голове такой силы, от которого ее подруга скончалась, нужно иметь совершенно другие физические данные. К тому же, по утверждениям экспертов, удар был нанесен человеком, который был ниже ростом, чем жертва. А барышня была высокой. Тоненькой. Она бы с орудием убийства, а его на месте преступления не обнаружилось, не справилась бы.

Хотя, по его убеждениям, ударили, скорее всего, кастетом. Мастерски ударили, смачно. Череп хрустнул, как скорлупа. Кровью стены забрызгало.

Нет, барышня не убивала. И заказать подругу не могла. Не дура, место выбрала бы другое. Кто же заказ подобного рода в собственном жилье оформляет?

Нет, тут что-то другое.

Может, муженек ее? Так у того алиби. Он с любовницей и общими их друзьями за городом что-то отмечал.

Кто тогда? И зачем? Мотив...

Мотив не был ясен Шпагину Игорю Алексеевичу. А вот гражданке Киреевой Марии Сергеевне было что-то известно, но она молчала. И, скорее всего, молчать станет и дальше. Из нежелания сор из избы выносить. Из нежелания пятнать себя чем-то. Да, визит с адвокатом не за горами, не за горами. Деловито раскроют дорогой кожаный портфель. Достанут бумаги. И какой-нибудь грамотный очкарик, глядя мимо него, станет гнусавить про нарушенные права его клиента.

– Так что я должен понимать, Мария Сергеевна? – поторопил барышню Шпагин.

– Понимаете, мне совершенно не хочется отвечать ни на один ваш вопрос, – выпалила Маша и покраснела от смущения, грубить кому бы то ни было не в ее характере.

– Почему?

Шпагин тут же насупился. Подумаешь, неприкасаемая какая! Что думает о себе вообще?! Если туфельки на ней ручной работы и плащик стоимостью полугодовой его зарплаты, можно хамить следствию? Не уважать его?

Но Маша ответила вдруг уважительно, с жалкой улыбкой, в которой угадывались близкие слезы.

– Потому что вы говорите со мной в таком ключе... Вы так спрашиваете меня... Будто заранее уверены в моей виновности. Это же... Это же нечестно, неправильно! Так нельзя!

– А как можно?

Шпагин устыдился. Но тут же себя оправдал. Много их тут таких манерных в его кабинете побывало. На всех церемоний не хватит! К тому же в восьми случаях из десяти всякие такие манерные оказывались злодейками, вот! Хотя тоже поначалу корчили из себя безукоризненных леди.

– И можно и нужно... – Маша сделала паузу, сглотнула комок, давивший горло, – вежливо. Уж, извините меня, но... Но у меня же горе. Можно как-то поделикатнее?!

Может, ему из деликатных побуждений ее и на ужин еще пригласить, а?! Или платков кружевных специально для ее визитов купить? Или пирожных воздушных к чаю подать?

Шпагин озверел. Нет, озверел-то он давно, работал не первый год. Озверел, заматерел, сделался толстокожим, непробиваемым. Слезы, уговоры, мольбы о пощаде уже его не трогали. Упаковал он свою душу и сердце в броню и работал, работал, работал без эмоций. Оттого и раскрываемость у него была лучшая по отделу. Оттого и на здоровье не обижался. И на личную жизнь время оставалось.

Черствым он был, вот каким! Черствым и неделикатным! И меняться не собирался. Даже ради прекрасной Марии Киреевой.

– Я могу пригласить сюда доброго следователя, если меня вы считаете злым, – предложил с кривой ухмылкой Шпагин. – Пригласить?

Она отрицательно замотала головой, и светлые кудряшки заметались из стороны в сторону.

– Мне не надо доброго. Мне надо воспитанного, – проговорила она и пожала плечами. – Уж, извините. Но если вы не прекратите так говорить, я на вас пожалуюсь.

– Сколько угодно! – заорал Шпагин, не справившись с собой и еще с тем, что засмотрелся на ее спутавшиеся волосы, с тем, что захотелось уложить кудряшки колечко к колечку. – Жаловаться она будет!!!

Он сорвался с места и заходил по кабинету у нее за спиной, от двери к окну, от окна к двери. И все время мимо нее, все время мимо ее кудряшек, спутавшихся на плечах и спине. Спина была узкой, сужающейся в талии до таких размеров, что он обхватил бы ее руками. Если бы позволили...

– Жалуйтесь, Мария Сергеевна! – предложил он, остановившись рядом с ней и наклонившись так, что почти касался своей щекой ее щеки. – Только не забудьте при этом рассказать, что в вашей квартире был найден труп вашей подруги! Что перед этим вы с ней о чем-то говорили по телефону! Вы сами об этом нам заявили. Возможно, повздорили и, возможно, убили!

– По телефону?! – она отпрянула, поворачивая к нему лицо, ее рот презрительно скривился. – Я была за городом в своем доме. Это могут подтвердить соседи.

– Могут! Но не подтвердили! – Шпагин с силой ударил себя по ляжкам. – Не видели вашей машины, не видели света в вашем доме, не видели вас, Мария Сергеевна!

– Я... Я не ходила по домам, чтобы меня видели. И забор в моем доме высокий. Был старый, я поменяла. От любопытных глаз. Кто же знал, что они пригодятся... Да! Кстати! – Маша оживилась, на бледное лицо вернулся румянец. – Я же заправлялась перед тем, как вернуться.

– Заправлялись утром следующего дня. Следующего за убийством, – проворчал Шпагин. Он об этом уже знал. – Вы могли вечером вернуться в город. Убить подругу. Вернуться в дом, а утром поехать обратно как ни в чем не бывало.

– Бред какой-то! – Она не выдержала и рассмеялась с горечью: – Зачем?! Зачем мне ехать туда, если я могла Зою вызвать к себе? Могла убить в доме, похоронить в саду, никто никогда не узнал бы! Забор-то высокий...

Логично!

- А что, кстати, она делала в вашей квартире, Мария Сергеевна? У нее были свои ключи?
- Да, были.

Маша опустила голову, судорожно соображая. Говорить про звонки с ее домашнего и на домашний не имело смысла. Во-первых, не поверят. Во-вторых, звонок с домашнего на ее мобильный может ей стоить свободы. Скажут, что она действительно вернулась в город, чтобы проверить. Там застала подругу... с мужем, гадость какая, и убила ее в состоянии аффекта. Его пожалела. Или на нем ее аффект закончился, если можно так выразиться.

- Зачем она пошла в ваш дом, если вас там не было?

Шпагин каждым нервом, застуженным в армии коленом почувствовал, что секрет в этом какой-то есть. В этой наклоненной голове, судорожных вздохах. В сгорбленной спине и крепко сжатых пальцах, в которых зажат комочек носового платка.

- Она просто зашла в туалет. Была где-то рядом и зашла.
- О! Так вот как можно использовать квартиры друзей?! Просто как сортир?

– Ну, зачем вы так? – Маша съежилась. – Зоя позвонила мне, или я позвонила Зое, точно уже не помню. Но можно посмотреть на моем мобильном... Мы поговорили. Она думала, я дома. А я за городом. Она рядом с нашим домом где-то была. Сказала, что зайдет ко мне и... Дальше вы знаете.

– Здорово! – зло оживился Шпагин, усевшись на край своего стола. – Значит, зашла в туалет и за это поплатилась?! Вам самой-то не противно?

- От чего?

Маша глянула на его колени, обтянутые тканью хороших брюк. Колени были крепкими, мощными.

Он, видно, был сильным – Шпагин этот. Крепкая шея, хорошо развитые мышцы рук, грудные мышцы. Наверняка в качалке торчит часами. Ее Володе тоже неплохо бы подкачать брюшной пресс. А то совершенно распустил себя физически и морально. Хорошо, беда его немного приструнила. Последние дни безвылазно сидит дома, часами торчит за компьютером. Прекратились его чудовищные ухмылки, смотрит робко, говорит тихо, почти ласково. Может, все его дамы с безупречной репутацией разом отвернулись от него? Перепугались страшного происшествия, случившегося в его доме, и откачнулись?

Радует ее это или нет? Маша затруднялась ответить. Ее давно перестал волновать собственный муж. Ей совершенно не хотелось находиться с ним под одной крышей. И она при каждом удобном предлоге срывалась в теткин дом. И еще...

Ей хотелось переспать с Женей, которого ее покойная подруга окрестила тринадцатилетним. Желание было почти болезненным, оттого казалось ей постыдным, порочным, продиктованным стрессовой ситуацией. Именно по этой причине она медлила, а так бы уже давно вывезла его за город, впустила в теткин дом и...

– От чего мне должно быть противно, Игорь Алексеевич? – очнулась от запретных мыслей Маша.

– От собственного вранья! – повысил Шпагин голос и пересел на свое место, неприлично все же, когда лицо допрашиваемой находится на уровне твоих бедер.

- Почему? Почему вы так считаете?
- Потому что я знаю, что вы врете, – фыркнул он чуть тише.

Шлепнул пальцем по клавише пробела, уставился в монитор, будто что-то там вычитывал. На самом деле там покоился полуразложенный «паук», он так и не придумал, куда втиснуть крестовую десятку. Она все портила.

– Вы врете мне, Мария Сергеевна, – продолжил Шпагин рассеянно. – Ваша подруга зашла к вам домой не в туалет. Я в этом практически уверен. Знаете, почему я уверен?

- Нет.

– Потому что в соседнем с вашим домом здании находится гипермаркет, где туалетов этих... С какой такой блажи, скажите, ей проходить мимо них и лезть к вам на этаж? А? Молчите?

Он ее поймал. Конечно, поймал. Врать про туалет не стоило. А про что? Про цветы? Так она сама утром была дома, могла полить. Маша прикусила нижнюю губу.

– Зачем пошла к вам в дом ваша подруга, Мария Сергеевна? – Шпагин повеселел, крестовая десятка нашла свое место, еще пара шагов, и можно раскладывать следующий уровень. – Она что, встречалась с вашим мужем?

– Нет! Она его едва терпела! – Маша оторопела. – Он вообще не в ее вкусе...

– Так часто говорят друзья и подруги обманутых супругов, – покивал с пониманием Шпагин, методично щелкая мышью. – А на деле оказывается, что эти друзья и подруги годами спят с их половинкой. Так что скажете?

– Исключено!

Маша скинула с плеч плащ, ей сделалось жарко, душно. Не терпелось на воздух, за город, в теткин дом, посидеть на скамеечке на заднем дворе, подумать. Без вмешательства этого едкого Шпагина, который нагло сидит и раскладывает пасьянс, делая вид, что усиленно трудится. Маша по щелчкам мыши могла без особого труда определить, в какую игру сейчас играют ее подчиненные. Безошибочно угадывала. Двоим это стоило их рабочих мест. Это когда они не прореагировали на ее замечание.

Шпагина она уволила бы мгновенно! Не дав возможности открыть рот для оправданий и перейти к следующему туру.

– С клиентами так не работают! – плюнула бы она ему в лицо. – Даже если вы их подозреваете во всех смертных грехах! Это ваш клиент!!!

Н-да, разница заключалась в том, что в настоящий момент перевес был явно на его стороне. И она не была его клиенткой. Она была подозреваемой, кажется. Хотя никто никаких обвинений ей не спешил предъявлять. Пригласили на беседу, и все.

Но все равно она бы его уволила без всяких объяснений.

– Итак, ваша подруга и ваш муж – несовместимы? – Шпагин довольно улыбнулся – пасьянс сложился, наконец. И перевел взгляд с монитора на барышню. – И никакого романа у них не было и быть не могло?

– Совершенно точно, – кивнула она с понимающей ухмылкой, покосившись на монитор. – У Володи, конечно, случаются романы. Но все они сторонние. Зои это никак не касалось.

– Снова повторюсь, Мария Сергеевна! – елеяно осклабился Шпагин, сложил пальцы домиком, помотал ими в воздухе нетерпеливо. – Зачем она пошла к вам в дом в ваше отсутствие?! Зачем?! Почему вы не желаете ответить мне на такой простой вопрос?! Что за тайны?! Она же не должна была там быть одна! Но вдруг очутилась. Это вы? Вы послали ее туда?!

– Да. – Маша поежилась, будто за шиворот ей швырнули гость снега. – Совершенно точно, я послала, попросила, или она сама вызвалась. Уже не помню. Но Зоя решила проверить мою квартиру.

– На предмет?

– Мы с ней подумали, что там... Что там Вовка с какой-то одной из своих девок.

– Вовка – это муж?

– Да.

– Но он же был за городом!

– Да.

– И кого тогда должна была проверять ваша подруга?! – Шпагин недобро прищурил голубые глазищи. Погрозил ей пальцем. – Опять врете?

– Ничего я не вру! Он сказал мне, что уезжает за город. Но это ведь могло быть и неправдой, так?

Ох, как не хотелось рассказывать о звонках! Как не хотелось! И если он сейчас не задаст главного вопроса, она промолчит. Ну, а если задаст, придется...

Он задал его.

– А что заставило вас думать, что он не уехал?

– Кто-то звонил мне с домашнего телефона на мобильный, – упавшим голосом пробормотала Маша и пожала плечами. – Звонил. Кто?

– А правда, кто?

– Я не знаю.

– То есть? Не понял. Вам позвонили с домашнего телефона, номер высветился на мобильном. Правильно?

– Абсолютно.

– И вы не знаете кто? Как такое может быть?

– А так, что мне не ответили. Я – алло, алло, а в ответ тихо! – Маша тяжело вздохнула, подумала и всплеснула руками. – Что я должна была думать? Меня дома нет, Володя сказал, что уезжает с компанией за город.

– Он не соврал, – кивнул Шпагин, ткнув пальцем в папку с делом. – Это подтверждено свидетельскими показаниями.

– Тогда кто мне звонил из моего дома?! Звонил и молчал! Звонил и молчал! Это просто... – она сжала виски. – Это же просто сумасшествие какое-то! Сначала на домашний, потом с домашнего! Как такое возможно?! Кому это нужно вообще?!

– Что конкретно?

– Сводить меня с ума этими постоянными звонками?! Звонят и молчат, звонят и молчат!

– Та-аак...

Шпагин с минуту ее рассматривал.

Она уже не казалась ему слишком волевой, слишком сильной, слишком безупречной и оттого сделавшейся ему сразу неприятной. Она была уязвима, эта очень симпатичная барышня. Она оказалась ранимой, загнанной в угол, испуганной. И Шпагин мгновенно сменил свою неприязнь на симпатию.

– Давайте мы с вами выпьем кофе где-нибудь неподалеку, у меня как раз обеденный перерыв, и вы мне все расскажете подробно. Идет?

Ее согласие и не требовалось, он уже достал тонкую кожанку из шкафа и распахнул дверь кабинета.

Маша медленно поднялась, застегнула плащ, взяла в руки сумочку. Ох, как не хотелось ей общаться с этим Шпагиным вне стен кабинета. Ох, как не хотелось. Но выхода, кажется, у нее нет. Как-то так незаметно он одержал верх над ее принципами, главным из которых был – невмешательство в дела посторонних и недопущение до дел своих. Что будет дальше?..

Глава 5

Виталик Воеводин оцепенело смотрел на миску овсяной каши, которую поставила перед ним девушка. Девушка, имени которой он не помнил, ходила по кухне совершенно голой. Он снял ее вчера вечером в баре, привел домой, называл как-то, но не помнит, как. Утром проснулся, попробовал секс с ней, вышло плохо, как-то неуверенно. Ему сделалось противно, и он скрылся в ванной. Просидел там минут сорок, надеясь, что она исчезнет.

Не исчезла. Принялась хозяйничать. Лазить по его шкафам, холодильнику. Наварила какой-то дребедени, потрясая обвислыми сиськами над кастрюлькой с молоком. Дребедень получилась сизая, рыхлая, прямо как ее задница.

– Кушай, Виталик, – сипло предложила девушка, села напротив, поставила локоток на стол, заулыбалась. – Решила тебя немного подкормить, а то чего-то к утру ты ослаб.

– Тебя при дневном свете увидал, – процедил Воеводин сквозь зубы. – Вот и не встал у меня. Вали вообще отсюда!

Он не терпел никакой критики. Отец, его покойный отец знал об этом и щадил сыночка. Но вот мачеха! Та всегда его гнобила. На каждом шагу напоминала, что у него некрасивые веснушки, что зубы надо исправить, что нос его мог бы быть чуть побольше. А то несерьезный для мужчины нос. Не в отца он уродился, совсем не в отца.

Господи, как же он ее всегда ненавидел! Как жаждал ее смерти! Мечтал, будучи еще ребенком, что она падает с лестницы второго этажа, беспомощно машет руками, таращит испуганно глаза, разбивает об пол свою тупую башку. И кровь... Много, много крови на полу, ковре, стенах.

Он по-разному мечтал. И задушенной ее видел, и утонувшей в собственной ванне, и машиной сбитой, и от сердечного приступа крикнувшей. Но больше всего ему нравилось наблюдать в своих видениях, как она летит со второго этажа и расшибает свою поганую, тупую башку.

И тогда они с отцом остаются вдвоем и живут долго, счастливо, дружно, беззаботно. Его отец был беззаботным, радостным, добрым человеком. Его все любили. Это только мачеха называла его раздолбаем. Это только она унижала его, заставляла работать много и неинтересно.

– Мне на что-то надо содержать твоего оболтуса, – всегда приводила она самый весомый аргумент в их спорах. – Он же растет не по дням, а по часам. Ему нужно много одежды, много еды.

Вранье было чистой воды. В одних штанах Виталик мог ходить месяцами, она ему даже не стирала. Кормила сносно, тут спору нет. Но вот одевать нарядно, стильно, добротнo не спешила.

– Ни к чему тебе выделяться. Одежда должна быть удобной и прикрывать наготу. И все!

Отец иногда вступал на его защиту, прятал от ведьмы деньги, и им удавалось приодеть его к какому-нибудь празднику именно так, как требовали время, возраст, статус мероприятия. Ведьма, узнав, закатывала отцу скандал, но он просто не реагировал, зная, что его сын счастлив.

А потом не стало отца. Не ведьмы, мерзкой, ехидной, сухопарой, как тарань. А не стало отца – доброго, смешливого, жизнерадостного человека, которому жить бы да жить.

На сороковой день ведьма собрала Виталику вещи, поставила у порога и с поклоном и набором вежливых слов вышвырнула его из дома, который по документам принадлежал только ей.

– Ты вырос, мальчик мой, – ехидно скаля беззубый рот, сказала она. – Тебе пора самому становиться на ноги. Жильем тебя мы с отцом обеспечили, так что...

Квартира, о которой смела заикнуться старая ведьма, принадлежала покойной матери Виталика. И ведьма никакого отношения к благим делам по его устройству в жизни не имела. Обеспечили они!

Он переехал и больше с ней почти не виделся. Она не звала, он не скучал. Нет, его тянуло в дом, где прошло все его детство, отрочество и юность. Но не настолько, чтобы жертвовать своим выходным ради встречи со старой гримзой. Как-то раза два поздравил ее с днем рождения. По телефону. Она вежливо отвечала. Интересовалась его делами. Он с охотой сообщил, что нашел хорошую работу, что неплохо получает. Что обустроился. Она поддакивала, желала удачи. Однажды даже пыталась предаться воспоминаниям об их общих с отцом праздниках и днях рождения. Его чуть не вырвало. Он ничего такого не помнил. Все всегда было погано. Но он вежливо молчал и поддакивал. И даже вызвался починить ей забор. Правда, не успел. Ведьма подохла.

Виталик жутко обрадовался тогда. Он с чего-то решил, что дом теперь достанется ему. Что он переедет туда, квартиру матери продаст. На вырученные деньги сделает в доме ремонт и заживет так, как когда-то давно мечтал: счастливо, свободно, беззаботно.

Но ведьма и тут учудила. Она оставила все своей дальней племяннице, кажется, троюродной. Седьмая вода на киселе, ну! Девка, правда, красивая, породистая, манерная. Но почему он должен был лишаться родового гнезда из-за нее?!

Он копошился, суеился, бегал, дергал, звонил, платил деньги. Все бесполезно. Дом достался Машке.

– Вот если бы не оказалось завещания, тогда дом был бы по праву ваш. Вы ведь были усыновлены вашей мачехой, если я не ошибаюсь? – улыбнулся виновато нотариус.

– Да, был.

Виталик сморщился. Это усыновление стоило ему долгих лет упреков. Мачеха выгрызла ему весь мозг за свое доброе дело.

– Вот... И вы являлись на момент ее смерти единственным наследником. Но это на тот случай, если не было бы завещания и не имелось других наследников.

– Не было! – вскинулся Виталик. – Ведьма была одинокой!

– Ну вот... – нотариус опустил глаза на слове «ведьма». – Теперь же ничего изменить невозможно.

– А если бы Машка крикнулась?

– Простите? – старенький дядечка нахохлился так, что его редкий зачес на лысине вздыбился.

– Ну вот, к примеру, Машка померла и что тогда?

– Ах, вот вы о чем! – нотариус пожал сухонькими плечиками. – Ну у нее же есть наследники? Муж, брат, отец, если я не ошибаюсь?

– Да, да, есть. Но вот если и они все того? Что тогда станет с домом?

– Ну-уу, молодой человек... – дядечка пригладил подрагивающей ладонью встопорщившийся ершик волос. Укоризненно поджал губы. – Вы слишком многим желаете смерти. Они же молоды и...

– Но вдруг? Тогда что станет с домом?

Он плохо соображал тогда, что несет. Вернее, это его порочные мысли несли его куда-то. Воображение добросовестно набросало картины страшной кончины семейства Киреевых – Машки и Вовки – и Мысковых – папы Сережи и сына Миши.

К примеру, автокатастрофа. В машине все четверо и тут, бац, лобовое столкновение! Шансов выжить нет! Или на отдыхе, к примеру, за границей, а? Разве в цунами не могут попасть? Или в шторм, а? Некоторым вот везет. А он что, рыжий?

Тут его словно тряхнуло. Он, в самом деле, был рыжим. Рыжим, конопатым, с кривыми зубами, которыми из вредности не стал заниматься в детстве. А все потому, что ведьма его критиковала и настоятельно велела обратиться к стоматологу.

Еще у него был крохотный нос, не нос – сопелка с дырочками, как любила хихикать ведьма. Маленькие стопы тридцать восьмого – женского – размера. И узкие кисти рук. Такие узкие и изящные, что когда он просовывал в почтовое или банковское окошко документы или деньги и кассиры не видели его лица, то всегда обращались к нему – девушка.

Дверь в прихожей громко хлопнула. Девушка, имени которой он не помнил, обиделась и ушла, громко хлопнув дверью напоследок.

Ему плевать. Могла бы с дверью этой в обнимку выйти. Зато он не будет теперь видеть ее дряблого синюшного зада, обвислых сисек с расплывшимися сосками, безликой морды со следами вчерашнего макияжа. Кашу какую-то сварганила, смотреть тошно. Неужели она думала, что он в самом деле станет это есть?!

Виталик выбрался из-за стола, взял тарелку в руки и, ежась от окостеневших хлебных крошек, которыми всегда бывал усыпан его пол, прошел до помойного ведра. Каша вместе с тарелкой залегла на дно синего пакета. Виталик с хрустом потянулся, коснулся турки, висевшей на стене под шкафом, снял ее с крючка.

Сварит он себе кофе. Крепкий, сладкий, со сливками. Нарезет колбасы, белого хлеба. Позавтракает приятно в одиночестве. А потом...

А потом позвонит он Машке...

Глава 6

Лидочка поправила перед зеркалом парик. Ей понравилось, как она выглядит. Стройная длинноволосая блондинка в черном приталенном плаще, ботильонах на высоких шпильках. Лидочка повертелась перед зеркалом. Она прехорошенькая. Свеженькая, аппетитная, улыбочивая. Никто и не догадается, что всего сорок минут назад ей пришлось работать в течение трех часов.

Клиент пришел рассерженным из-за того, что пришлось ждать в машине, пока не убежит из ее дома жених. А никто не виноват, что явился раньше времени.

Расстроенным из-за расторгнутой помолвки. А зачем было старую жену бросать? Жил бы да жил, крутил роман с этой молодой переводчицей. Зачем сразу все ломать, комкать, превращать в мусор?

И к тому же с ноющей поясницей. Видите ли, пришлось самому колесо менять на машине за городом, куда он свою нареченную повез смотреть строящийся дом. Там-то у них и вышел разлад. Ей не понравилось место. Не понравилась планировка. Потом не понравилось, как он матерился, меняя колесо. Слово за слово...

Лидочке пришлось расстаться. И извинялась, и утешала, и массировала. И даже покормить пришлось, голоден был, бедолага. Хорошо, Мишка не сожрал все отбивные с картошкой. Тот пожрать не дурак. Метет все, что на стол поставишь.

Она со всем справилась. Клиент даже поцеловал ее в губы на прощание, чего прежде никогда не делал. И денег дал сверх нормы.

– Ты у меня такая одна, Аленка, – шепнул он, ущипнув ее за голый зад, до порога она пошла его провожать, разумеется, неодетой. – Если тебя не станет, тогда мне точно труба!

– К жене возвращайся, – посоветовала она, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Время поджимало. У нее была назначена еще одна встреча, но в городе. И она никакого отношения к ее работе не имела. Никакого! Она имела отношение к ее будущему. К их с Мишаней общему будущему. Но об этом, т-сс-сс, ни слова. Никто не должен слышать даже ее мыслей на этот счет.

– К жене?! – вытаращил ословевшие после сексуального марафона глазищи ее клиент. – Сдурела?! Она же меня на пушечный выстрел не подпустит! А после того, как узнает, что я дом затеял на будущее строить...

– Откуда она узнает-то, милый?! – рассмеялась Лидочка нежным, как звон колокольчика, смехом.

Такой смех был исключительно для него. Другому нравилось, когда она просто улыбалась. Третьему, когда ржала в полное горло. А четвертый вообще предпочитал тишину. Разными они у нее были – ее кормильцы.

– Но дома-то я не спрячу под землей, Ален! – он начал застегиваться на все пуговицы, сердито одергивая кожаный пиджак.

– А и не надо, милый. – Она помогла выпростать манжеты рукавов сорочки, поправила запонки. – Просто скажи ей, что строил для нее. И все!

– Для нее? – передразнил он, выдернул руку. – А то она не знает, что я собирался...

– От кого она это знает, скажи? – Внутри все закипало от мужицкой тупости, но она оставалась милой и кроткой. – От тебя? Ты вот прямо так ей и заявлял: дорогая, я строю дом для своего будущего семейного гнездышка? Так?

– Нет.

– А от кого? От кого она о твоих планах узнала?

– Ну... От людей.

– Вот! Самое главное, что она не слышала этого от тебя, милый! А люди...

Лидочка глянула на себя в зеркало, потрогала свой плоский, крепкий живот. Неужели уже очень скоро там кто-то будет жить, а? Маленькое такое сокровище с крохотными ручками и ножками и крохотным сердечком, которое будет биться под ее сердцем, полным нежности, любви и заботы.

Ох, как ей этого хотелось! Как не терпелось наброситься на банку с маринованными огурцами, почувствовав в них дикую потребность. Как не терпелось встать на учет в поликлинике и ходить по магазинам, выбирая коляску и ползунки.

– А люди всегда брешут, милый. – И Лидочка, заметив оживление в тусклом взгляде клиента, закрепила свой успех очередным приступом заливистого мелодичного смеха.

За обнадеживающую волну он доплатил ей сверху еще сотню. И шепнул, что не побрезгует ею, если даже она будет с животиком.

– Это так пикантно... – пробормотал он, выходя из ее квартиры.

– Перебьешься! – скрипнула зубами Лидочка, захлопнув за ним дверь. – Осквернять святое не позволю!

Она быстро убрала квартиру от следов его недавнего тут пребывания, тщательно вымылась, приняла какие нужно таблетки, нарядилась эффектно, но не броско. Дополнила все париком, чтобы узнать ее было трудновато, и через десять минут вышла из дома.

По подъезду и двору она шла в капюшоне и темных очках. Когда завернула за угол, капюшон с волос скинула, расправила на плечах и спине длинные светлые локоны, поймала такси и продиктовала адрес.

Всю дорогу она молчала, щедро заплатила водителю, дождалась, пока он отъедет, и только тогда пошла по тротуару, потом свернула во дворы и вскоре входила в подъезд сталинской пятиэтажки.

– Долго ты.

Дверь открылась, стоило ей поднять руку к звонку.

– Обстоятельства. – Лидочка кивнула и вошла в квартиру, насквозь пропахшую сигаретным дымом и прокисшей едой. Она поморщилась. – Что же за вонища у тебя? Ты хотя бы проветривал!

– Переживу. Бабки принесла?

Лидочка снова кивнула, пошла в комнату. Там хотя бы можно было присесть без опасения вляпаться в недельную картошку или вермишель, пересыпанную пеплом. Но она все равно постелила на венский стул газету и только потом присела.

– Итак, докладывай, – потребовала Лидочка. – Только без истерик, которые ты мне устроил по телефону. И с подробностями.

Мужчина, которому было слегка за тридцать, но на вид под пятьдесят, с кряхтением уселся на продавленный грязный диван. Уложил на широко разведенные колени локти, сцепил заскорузлые пальцы в замок. Глянул на Лидочку с укоризной, покачал головой.

– Если бы я знал, что там такая жопа будет, я бы ни за что...

– Это я уже слышала. Дальше!

– Короче... Короче, я вошел в подъезд, меня никто не видел. Квартиру открыл ключом, что ты мне дала, на раз! Эти самые на ноги обул, как их?.. – он глянул на нее с жалобным вопросом в мутных глазах.

– Бахилы, – подсказала нехотя Лидочка.

– О, точно! Обул их, в хату вошел. На руках перчатки. Все, как ты велела.

– Дальше!

Лидочка поморщилась, все это она уже слышала по телефону, чего повторяться? И даже премию ему за моральный урон принесла. И ушла бы уже давно отсюда, воняло нещадно. Но...

Но к премии в ее сумочке добавилась еще сумма. И довольно приличная сумма. И сумму эту ее старый приятель по давнишней, давнишней жизни, когда она еще не была Аленкой, а

он тем, что собой сейчас представляет, должен будет отработать. Отработать безукоризненно! Иначе она его просто... Она его просто уничтожит. Она сумеет, у нее получится.

– Короче, я вошел, позвонил, как ты велела, этой телке на мобильный с ее домашнего телефона и вышел. Слышу, лифт на этаже остановился, и кто-то из него топает прямо на меня. А я в этих самых...

– Бахилах, – с ядовитой ухмылкой подсказала Лидочка.

– Точно, в них. И в перчатках, снять не успел. Пришлось наверх лететь. Там уже все снял, хотел спускаться. А у двери той, где я был, телка какая-то стоит.

– Какая телка?

– Не знаю, толстая. Спинища во какая! – ее старый приятель развел руки на метр. – Она вошла внутрь, дверь чуть прикрыла. И слышно стало, что она с кем-то по телефону начала говорить. А сама ходит по хате, ходит.

– Ты прямо стоял этажом выше и слышал! – она недоверчиво качнула головой. – Что-то ты, брат, брешь, сдается мне!

– Ладно, Лидусь, чего ты? Такая корова по хате топала, с первого этажа услышишь. И по телефону голосила во все горло. Я это... – Он потер руку об руку. Колупнул грязную мозоль. – Я так понял, она приехала хату проверить. Хозяйка ее попросила, она и приехала.

– А вот тут стоп!!! – Лидочка резко встала со скрипучего стула и нервно заходила по комнате, огибая кучки мусора. – Скажи мне, дорогой друг, с какой скоростью ты передвигался по квартире после звонка Машке, что тебя едва не застала ее подруга, а?!

– Что? С какой что?

Он изо всех сил таращил водянистые глаза, изо всех сил старался выглядеть честным и прилежным. Но Лидочка ему не верила. Она слишком хорошо знала это опустившееся создание. Давно изучила все его привычки.

– С какой скоростью ты передвигался по квартире, урод? – взвизгнула она, склонилась над ним и, преодолевая брезгливость, ухватила двумя пальцами за небритый подбородок. – Ты что там, как гусеница, ползал? Тварь!!! Давай рассказывай, чего ты там делал так долго?!

– Я... Я ничего! – Он хотел помотать головой, но ее пальцы, словно тиски, держали его за подбородок, так что ныло в затылке.

– Представляю себе картину! – прошипела Лидочка, локоны парика сползли на лицо, голове под ним было жарко, чесалось, и тут еще урод с сюрпризами. – Ты не просто позвонил, ты обшмонал всю хату, урод!!! Я тебе что говорила?! До телефона и обратно! Быстро, споровисто. А ты что?!

– А я что?! – Его патлатая голова ушла в плечи, глаза упорно смотрели в пол.

– А ты по хате шарил! – она плюнула ему в голову, оттолкнула его физиономию растопыренной пятерней и тут же брезгливо потрясла кистью в воздухе. – Ну! Говори правду, скотина, или ни рубля не получишь!!!

– Ладно, Лидуша, чего ты? – он заискивающе заулыбался. – Ну, взял из вазы три сотки, убудет, что ли, от них? А мне как раз на похмелку.

– Что еще взял?! – она закатила глаза.

Хорошо, заранее все продумала и велела перчатки надеть и бахилы. Иначе наследил бы ее стародавний друг так, что мало не показалось бы. И хотя в базе данных у ментов его отпечатков не было, все равно...

– Так... Пачку печенья в кухне. У них там целый склад в шкафу. Палку колбасы, холодильник завален. А мне жрать охота было. И кусок семги в упаковке. Жалко им, что ли? Они и не вспомнили, поди, после всего-то.

– Вспомнить не вспомнили, а если бы?! – Лидочка всплеснула руками и с жалостью уставилась на приятеля. – Какой же ты все-таки, Серега... Неприкааянный... Я же даю тебе деньги!

Регулярно даю! Ну, нельзя же так спускать их! Это же не вода в сортире, а деньги! Ладно бы сам пропивал, а то друзей потчует! А мне они, сам знаешь, как достаются!

Он сердито засопел, бросил в ее сторону неприкрытый злой взгляд и прошептал:

– Да уж знаю. Этот твой заработок жизнь мне и сломал. Кабы не заработок твой... Уже бы дети в школу пошли... Эх, Лидка, Лидка, что ты с нами сделала...

– Не начинай! – поморщилась она недовольно, хотя в груди все сжалось от его упрека.

Они ведь любили друг друга. Сильно любили. Она – молоденькая хрупкая медицинская сестренка со «Скорой помощи». И он – подающий надежды художник. Суперсочетание, да? В плане заработка. В плане планов на долгую счастливую, а главное, обеспеченную жизнь! У нее четыре с половиной тысячи рэ в месяц. И у него – сплошные надежды на заработок. Пока существовали вдвоем в этой вот хате – не такой убогой тогда еще, не такой загаженной, а вполне пригодной для жизни двух влюбленных, – все казалось нормальным. Счастливы даже были, смеялись часто, куда-то ходили, кого-то принимали у себя. Но когда на горизонте замаячил третий, Лидочка решила – все, хватит. Пора что-то менять в собственной жизни.

Она и поменяла. Будущее материнство на аборт. Счастье с любимым на чужие, хорошо оплачиваемые ласки. Работу медицинской сестры на работу на точке.

Сергея долго ходил за ней. Даже как-то пытался купить ее на час. Плакал. Умолял вернуться, все бросить. Лидочка не послушалась. И он начал пропивать свой талант, свою жизнь и все светлые мечты на их совместную жизнь. Опускался стремительно. Все деньги, которые она ему давала и которые он вполне мог бы потратить с пользой для себя – квартиру отремонтировать, приодеться, работу поискать, – он спускал с невероятной скоростью.

– Как пришли, так и ушли, – говаривал он. – Еще дашь. Ты же меня не бросишь, Лидуша? Нет?

Она и не бросала, опекала его, насколько ей хватало терпения. Временами поручала всякие мелкие пакости. Как вот, к примеру, последнюю. Лидочка случайно подслушала, как ее будущий муж разговаривал с мужем Машки по телефону. И тот пожаловался Мишане, что Машке кто-то названивает на домашний телефон и молчит.

– А Машка что? Паникует? – Мишаня тут же раздвинул рот в довольной улыбке, он всегда радовался неприятностям сестрицы.

Что ответил Машкин муж, Лидочка не слышала. Но Мишаня удовлетворенно повторил:

– Паникует... А что хоть ей говорят, когда звонят? Тебя не сдают? Нет? Это главное, Вован. Значит, молчат? Че-то какая-то фигня, не находишь?

Лидочка больше не стала слушать, в ее прехорошенькой головке тут же созрело решение присоединиться к телефонному террористу. А почему нет? Досадить удачливой золовке, которая за последние месяцы не нашла часа, чтобы с ней познакомиться? Да завсегда рады!

И они с Сергеем составили план пакостничества. Только решили обойти телефонного террориста. Они продвинулись дальше. Решили, что позвонят Машке на мобильный с ее же домашнего. Вот будет потеха, а! Она же просто собственную селезенку сжует, пытаясь догадаться, кто такое с ней проделывает.

И Лидочка приступила к осуществлению плана пакостничества.

Перво-наперво, она срисовала номер мобильного Машки, забравшись в память телефона своего Мишани. Потом сняла слепок с ключа Машкиной квартиры в доме у будущего свекра. Туда как раз его зять пожаловал с визитом, они с Мишкой Вову там ждали для беседы и знакомства. Знакомство, конечно, вышло так себе. Папаша из кожи вон лез, чтобы Лидочку в грязь втоптать. Мишка нервничал, Володя дергался, а Лидочка терпела. И попутно, отпросившись в туалет, сняла слепки со всех ключей на связке, что у Вовчика в кармане нашлись.

Потом она купила в аптеке бахилы и пару перчаток. Снабдила Сергу ключами, бахилами, перчатками, подробными инструкциями и задатком в небольшую сумму. Вызвала у

Мишани, как бы между прочим, когда Машка и ее благоверный разъедутся в выходные в разные стороны, оставив квартиру пустой, и...

Ждать пришлось аж месяц целый. То Машка дома, то Владимир. В рабочий день не сунешься, вдруг кому приспичит домой заглянуть. Одна надежда была на выходные. Когда оба уедут отдыхать, да подальше.

Дождались! И приступили к осуществлению. Да только все пошло не так. Вернее, первая часть их плана прошла как по маслу. А потом начались сбои, да какие!

– Ладно, проехали, – произнесла Лидочка со вздохом, подошла к дивану, на котором горбился ее бывший возлюбленный, погладила его по жестким давно не мытым волосам. – Будем считать, что на хате тебя задержали дела, но ты благополучно оттуда смылся. Из подъезда не успел уйти, поднялся наверх. Но...

– Но что?

Он поднял на нее взгляд, полный надежды. Вдруг не уйдет сразу, вдруг останется, иногда бывало, иногда Лидочка даже купала его и ложилась с ним.

– Но зачем ты потом вернулся в хату, дубина?! – Она легонько стукнула его кулачком в лоб, затем схватила за затылок и прижала его голову к своей груди. – Зачем, Сережа?!

Он почти задохнулся от судорожного вздоха. Зажмурил глаза. Осторожно тронул кромку ее плаща, тронул заскорузлыми руками ее коленки, погладил.

Лидочка... Его любимая и единственная...

Он все готов был простить ей, все. Он любил ее, очень любил. Даже такую... продажную. И она где-то глубоко, глубоко в душе любила его. Он это знал, он чувствовал. Из одного сострадания, жалости она бы не приходила сюда. Она тоже его любит. Только изменить уже ничего не может. И он тоже не может.

– Я не понял, что произошло, потому и зашел снова, – прошептал он, с трудом переводя дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.